Сердце на двоих

Автор:
Диана Соул

Сердце на двоих

Диана Соул

«Сердце на двоих» – фантастический роман Дианы Соул, жанр романтическое фэнтези, приключенческое фэнтези.

Эмма должна была умереть еще в детстве. Но древняя магия сильна, а женщина, нашедшая у дороги умирающую девочку, сумела отмолить ей жизнь, сделав своей дархме – душевной дочерью.

С тех пор прошло много лет, Эмма выросла, стала красавицей, на которую заглядываются женихи, но ее сердце сухо: ведь если девушка полюбит – оно остановится навсегда.

Ричарда растили правителем. Жесткий, уверенный, расчетливый, не имеющий изъянов и души – так говорят о нем все и боятся, что его гнев прольется на их головы. И лишь избранные знают, что у будущего короля есть тайна – в его груди бьется чужое сердце, которое может замереть в любой момент.

Диана Соул

Сердце на двоих

© Соул Диана

© ИДДК

* * *

Глава 1

Наша кибитка стояла перед городскими воротами, заняв свою очередь в хвосте из десятка дорожных повозок и телег.

Вход в Гольфрад открывался лишь с рассветом, а сейчас всем жаждущим попасть за ворота оставалось только ждать.

– Эмма! – прокаркал за спиной хриплый голос. – Иди сюда, дрянная девчонка.

Я улыбнулась. Агве сколько угодно могла звать меня дрянной, плохой, глупой, но я-то знала, что она это все не со зла. Любовь моей душевной матери проявлялась странно, но была надежна, как рассвет поутру. Сердце не обмануть.

Я прижала руку к груди, прислушалась – бьется…

– Иду, матушка, – откликнулась я, отворяя дверцу и закутываясь в теплую шаль. Ночная прохлада еще не ушла окончательно, а болеть мне никак нельзя.

Спрыгнув наземь, я едва не запуталась в цветастых юбках, которые тотчас отдались звоном нашитых на них побрякушек. Я бы с удовольствием сменила этот наряд на более удобный, например мальчишеские штаны, но Агве настаивала, что мне пора искать мужчину и покровителя, а значит, и одеваться нужно соответствующе.

– Ну, что так долго? – заворчала на меня женщина, слезая с козел, сегодня она командовала лошадьми. – Где моя махорка?

Нехотя я подала матушке уже заранее набитую табаком трубку и огниво. Покачала головой.

– Лекарь запретил тебе курить.

– Я сама себе лекарь, – отмахнулась Агве, чиркая огнивом и затягиваясь. – Тоже мне, развелось коновалов. Сама лучше всех все знаю…

Спорить с ней было сложно.

Агве и вправду много знала в свои-то годы. Хотя числа она никогда не называла, скрывая это даже от меня.

Я могла лишь подозревать, что ей далеко за восемьдесят. От былой черноты волос у Агве не осталось ни следа, сеть морщин покрывала не только лицо, но и руки. Спина все ниже клонилась к земле, а ноги чаще подводили.

И все равно старушка упрямо лезла на козлы своей кибитки, напрочь запрещая мне брать ее очередь вести наш «домик» вперед.

На ней всегда красовались самые вырвиглазные цветастые шали и яркие наряды с золотистыми побрякушками. Украшения весили немало, но, как говорила Агве, они хранили самое важное – память о ее предках, друзьях и былых временах.

«Ничего ты не понимаешь, Эмма, – противилась она в моменты, когда я уговаривала снять с себя лишний груз. – Вот эта монетка досталась мне за первый танец, когда я вот такой, едва отцу до пояса, но уже танцевала босиком на стеклах. Вот эта хрустальная бусина от моей матери, а та от прабабки – они научили меня всему. Кое-что тебе, кстати, еще рано знать, вот выйдешь замуж…»

Когда Агве рассказывала о своих предках, я замирала и слушала, а ее истории всегда заканчивались одинаково:

«Если бы не эти монеты, тебя бы со мной не было, Эмма».

На этом Агве затихала, вытряхивая из трубки остатки табака, набивала новый и вновь закуривала, погружаясь в клубы сизого дыма.

– Что замерла, лентяйка! – выдернула меня из мыслей старушка. – Неси ведра, нужно напоить лошадей до того, как въедем в город. Нам еще работать весь день, а тебе жениха искать. И не отводи глаза! Хватит упрямиться! Вот помру я, и что ты делать одна будешь?

– Поеду одна дальше. Вы ведь знаете. Мне нельзя…

Я замерла, опустив взор на собственную грудь. Агве и сама знала, что нельзя мне любить. Нельзя, чтобы сердце заходилось от страсти, а мысли путались от бурного тока крови. Нельзя терять разум, нельзя поддаваться страстям…

– Тебе не нужно любить покровителя, – ответила душевная мать. – Главное, чтобы покровитель любил тебя… Запомни это. Сейчас я твой покровитель, и только моя любовь тебя держит на этом свете. Но когда я умру, ты должна найти мне замену. Чем быстрее, тем лучше… И вообще, ты почему еще здесь? Где ведра, я тебя спрашиваю? Где вода?!

От смены ее тона я буквально подпрыгнула в воздухе и побежала исполнять приказанное. Когда Агве свирепствовала, с ней лучше было не шутить.

Пока возилась с животными, встало солнце. Шум открывающихся ворот всполошил всю неспешно ожидающую входа в город очередь.

Агве поторопила меня забираться в кибитку, сама же вновь полезла на козлы.

Всего за десяток монет стражники пропустили нас внутрь.

Путь наш лежал к городскому рынку, где сегодня проходила выходная ярмарка. Мы с Агве планировали задержаться в столице на два дня: подзаработать, а после продолжать путь дальше – до следующего города.

Мы расположились на окраине ярмарки – здесь было достаточно места для того, чтобы я могла петь и танцевать, привлекая народ, а Агве гадать желающим в своем небольшом шатре.

День обещал стать прибыльным, уже к полудню вокруг меня собралось немало людей, бросающих звонкие монетки в расстеленную на земле шаль. Я была довольна, ведь тайно надеялась на вырученные деньги купить Агве новую обувь к зиме. Ее старые башмаки совсем прохудились.

Но пока я только танцевала, кружилась под отбиваемый мною же ритм бубна и прикрывала глаза, когда яркое солнце озаряло лицо.

Я жила в этом движении, ощущала себя самой энергией, задорной, бойкой, уверенной. И мои босые ноги касались брусчатки, но совершенно не чувствовали ее, будто я парила над землей.

Внезапный топот копыт ворвался шумом в мой ритм, толпа вокруг загалдела. Я открыла глаза и остановилась.

Юбки всколыхнулись последний раз и опали… даже звон нашивок показался приглушенным.

Передо мной в окружении охраны высился всадник. Полный, похожий на борова мужчина лет сорока, а может, пятидесяти. Из-за его грузного тела и оплывших щек определить возраст точнее было невозможно. Казалось, из-за его веса под ним вот-вот проломится спина коня.

– Что здесь происходит? – гаркнул он, буквально лапая меня липким взглядом. – Кто пустил в столицу попрошаек?

Я невольно отступила на шаг назад.

К таким, как я и Агве, всегда относились предвзято.

А точнее, именно к Агве… ее кочевой народ не любили, считалось, что все они воры и шарлатаны.

Я же… светловолосая, высокая, совершенно не похожая на свою духовную мать, привлекала внимание своей экзотичностью на ее фоне. В детстве немало раз слышала, что Агве меня украла у настоящих родителей. Ведь не может такая светловолосая милая девчонка быть у такой, как она…

Но объяснять всем и рассказывать правду я даже не пыталась.

Не поймут и не поверят.

Я вновь невольно прижала руку к сердцу: несмотря на мой испуг, оно билось ровно…

Один удар, второй… третий.

– Что тут происходит? – из шатра на шум выглянула мать, борзо вскидывая взгляд на толстяка. – Вы мне всех клиентов тут распугали! Кто такой? Зачем пришел?

– Кому дерзишь, старуха?! – взбеленился он. – Я начальник городской стражи. По какому праву вы проехали в город? Приказом короля таким, как вы, запрещено находиться здесь!

– А что не так с такими, как я? – Агве смело сделала шаг вперед, тем самым пряча меня за свою спину. – Я ничего дурного не совершала, моя дочь тоже.

Липкий взгляд мужика вновь коснулся меня, и я поежилась.

Как бы ни старалась спрятать меня низенькая Агве, я все равно оставалась выше ее ростом.

– Денег хочешь – так и скажи, – с вызовом продолжала старушка. – Или хочешь, погадаю. Всю правду скажу. Что было, что будет, как смерть за тобой придет.

Мои пальцы похолодели, я невольно дернула мать за плечо, пытаясь остановить. Что такое она говорит? Неужели в тюрьму захотела?

За такие слова мы точно могли оказаться за решеткой.

Свинячьи глазки начальника стражи сузились, а щеки побагровели.

Он медленно втянул ноздрями воздух, а после усмехнулся.

– Денег не хочу, – выдал он, на удивление ловко слезая с лошади. – Договоримся на кое-что другое.

Он приказал своей охране стоять на месте и сам первым скользнул в шатер. Агве прошла за ним, я двинулась следом.

Внутри, как и всегда, царил полумрак. В этот полуденный час старушка даже не зажигала свечей, хватало тех крохотных лучиков солнца, которые пробивались через ткань навеса.

И еще тут всегда было холодно, сегодня в особенности. Я зябко обхватила себя руками за плечи, не ожидая от разговора с этим человеком ничего хорошего.

– Я согласен отпустить вас, – без предисловий начал мужчина. – Но взамен она пойдет со мной. Одна ночь.

– Нет, – уверенно и спокойно ответила Агве. – Эмма предназначена не тебе.

Боров скривился.

– Не неси чушь, кочевница. Набиваешь цену – так и скажи. Но я сегодня добрый, даже денег дам.

Мои глаза округлились.

Я была не маленькой, чтобы понять, чего именно возжелал этот противный. И от одной мысли, что я и он можем остаться наедине, как женщина с мужчиной, меня начинало подташнивать.

Даже ком к горлу подкатил.

Я замотала головой, показывая Агве, что не хочу.

Но мать и без этого не собиралась меня отдавать.

– Я же сказала, – все так же ровно продолжила она, обходя борова по кругу и подходя к своему столу, где были разложены ее карты. – Эмма предназначена не тебе.

– Тупая старуха. Я ведь не торговаться зашел. Возьму силой, значит.

Он резко развернулся, оказываясь ко мне лицом к лицу, и схватил за локоть.

Я уперлась ногами и попыталась отбиться второй рукой: вцепилась ею в лицо мужчины. Глубокие царапины прочертили его лоснящиеся щеки.

– Стража! – заорал боров, не в силах справиться со мной самостоятельно. – Арестовать этих двоих: воровки и государственные преступницы! За решетку!

– Агве! Беги! – закричала я, понимая, что против отряда мужчин мы бессильны.

Но старушка стояла на месте.

Лишь подняла одну из карт со стола и перевернула рубашкой вниз – «Верховная смерть».

– От руки короля твоего гибель к тебе придет, стражник. Помяни мое слово.

Ричард

– Отличный выстрел, ваше высочество, – лебезящий голос одного из егерей раздражал, – прямо в цель.

Ко мне подтащили убитого вепря – стрела попала прямо в глаз.

Не моя стрела!

Я видел это по оперению. Мои стрелы были особыми, а эта принадлежала кому-то еще.

– Ненавижу, когда мне лгут. – Я спрыгнул с лошади и подошел к убитому животному ближе.

Так и есть: мне лгали.

Моя стрела вошла вепрю прямо в сердце до середины древка и, возможно, даже послужила причиной смерти, но лгунов я не любил.

Выдернув чужую стрелу из глаза, я подошел к егерю и, протянув ее, спросил:

– Это чье?

– Ваше, ваше высочество, – голос его задрожал.

– Не лги, – пока еще спокойно произнес я, но гнев уже рвался с цепей. – Чья стрела? Кто приказал?

Я осмотрелся по сторонам в поисках второго стрелка.

На эту охоту я планировал отправиться один, взяв с собой лишь собак, но мне навязали попутчиков – нескольких егерей и следопытов. Отец настоял, ради безопасности.

– Король? – прищуриваясь, спросил я.

И егерь судорожно закивал.

– Он переживал за вас. Вепрь – опасное животное, а вы единственный наследник…

Я отмахнулся от его дальнейших слов, будто от навозных мух.

– Десять плетей за вранье, – процедил я другому егерю, разворачиваясь и направляясь к своему коню. – Исполнять немедленно!

Настроение было испорчено, охота, несмотря на добычу, не задалась.

Вскочив на коня, я погнал обратно к замку. Где-то за моей спиной раздавались удары плетей и вскрики, но они пронеслись мимо меня, пока не затихли.

Я должен был поговорить с отцом. Сколько можно меня опекать?

Единственный наследник не значит – хрупкий.

Будто в противовес моим мыслям с левой стороны под ребрами больно кольнуло, а следом и полоснуло ножом.

Я прикусил губы и вздернул узду, тормозя коня.

Перед глазами потемнело.

Это все от гнева! Вышел из себя! Разозлился!

Через минуту, когда глубокое дыхание и свежий воздух привели голову в порядок, отпустило и сердце.

Я принялся осматриваться по сторонам, не было ли свидетелей у столь позорного проявления моей слабости?

К счастью, повезло. Не считая пары птиц, вокруг никого не нашлось, егеря же с их чертовым охотником остались далеко позади.

Переведя дух, я приложил руку к сердцу, туда, где под ребрами красовался безобразный кривой шрам, след давней травмы, чуть не лишившей отца сына.

Может, зря я так строг с отцом и на его месте поступил бы так же – в попытке обезопасить принца.

Пусть я мало помнил тот день восемнадцать лет назад, но, как рассказывали, тогда тоже была королевская охота. Далеко за пределами столицы, в крайней провинции государства, вся знать королевства съехалась на удивительное

событие – охоту на последнего единорога. Помню, как мне было его жалко, пока мне, пятилетнему мальчишке, не объяснили, что жалеть его не имеет смысла – единственный оставшийся в мире самец, он бы все равно сдох своей смертью, не найдя самку, а так хотя бы послужил развлечением для знати.

Увы, но моя память о том дне размылась, все, что я знал, – на охоте я получил сильнейшую травму и ушло немало стараний и сил лекарей, чтобы поставить меня на ноги. Лишь шрам остался напоминанием о тех событиях, а сердце иногда грозило подвести.

Особенно по утрам. Иную ночь казалось – и вовсе не проснусь. Временами, но не часто, мне снились странные сны о местах, в которых я никогда не был, люди, которых никогда не видел. Эти видения не отпускали меня, будто ловушка, захлопывая выход в реальность.

А после я все же просыпался, и лишь стук сердца, будто оно вот-вот остановится, и сбитое дыхание напоминали о произошедшем. Тайком ото всех, в особенности от отца, который считал своим долгом влезть в любое связанное со мной дело, я начал их зарисовывать, пряча эскизы в тайник.

Больше всего его беспокоило мое здоровье, но приставленная ко мне лекарка лишь разводила руками, утверждая, что я полностью здоров и мне ничто не угрожает. Уж она-то точно в этом уверена…

И тем не менее иногда сердце давало сбой.

Но сейчас был разгар дня, эту ночь я спал спокойно, странные сны меня не мучили.

Возвращаться в замок решил не спеша, тем более что путь пролегал через город – еще не хватало, чтобы приступ повторился при подданных. Простым смертным нельзя знать о слабостях своих правителей – это пагубно сказывается на их подчинении власти.

Миновав южные ворота, жилые кварталы, рынок и площадь, я приблизился к одному из запасных въездов в замок. Как правило, через него во дворец подвозили провизию, тут же находился скотный и птичий двор, а еще к нему ближе всего располагались королевские конюшни.

Едва взглянув на мое лицо, охрана ворот безропотно пропустила меня внутрь. Никто из них не осмелился спросить, почему я один, куда делись егеря, убывшие вместе со мной утром, и почему я вернулся не через центральные ворота.

Это было не их собачье дело.

– Конюха мне! – крикнул первому попавшемуся на глаза служке. – Быстро!

Пока он умчался исполнять приказ, я спрыгнул наземь и осмотрелся.

В этой части замка приходилось бывать не часто.

Точнее, я и вовсе здесь не бывал за последние годы: тут пахло дерьмом от многочисленной скотины, под ногами носились курицы, одну из которых я едва не пришиб сапогом.

Кроме того, здесь находились тюремные камеры, подвальные решетки которых как раз выходили у свинарника.

Вонь там стояла неимоверная, а условия в казематах были отвратительными, и все равно отец опасался, что закованные в кандалы заключенные могут каким-то образом причинить мне вред, если я тут появлюсь.

Собственно, это была еще одна причина, почему я сегодня заехал именно через этот вход.

Назло слишком бдящему за мной королю, решающему за меня, с кем мне ездить на охоту, кто будет убивать моего вепря, и даже выбравшему мне невесту.

При мыслях о Таисии я невольно, но улыбнулся.

Пожалуй, она была единственной навязанной мне вещью, которая не раздражала. Дочь той самой лекарки, которая выходила меня после травмы. Отец пообещал в обмен на мою жизнь, что Таисия станет мне женой.

И этот выбор меня устраивал.

Таис была красива и, что уж таить греха, возбуждала меня одним своим видом. Стоило ей только появиться рядом, и я ощущал непреодолимую тягу, все мое естество рвалось любить ее, и сдерживали меня лишь приличия и запреты касаться девушки до свадьбы.

– Да где, черт возьми, конюх? – взревел я, когда мне надоело топтаться по птичьему помету.

– Ваше высочество, – тут же подскочил ко мне незнакомый немощный старик.

Я презрительно скривился: от старика воняло свиньями.

– Уйди! – отмахнулся от него, и в этот момент из стен замка как раз вышел конюший.

Сдав ему коня, я приготовился покинуть двор, но в этот момент в ворота въехал отряд стражи во главе с начальником. Позади себя на веревке они волокли упирающуюся девушку в ярко-красном платье, с сотней, а то и тысячей нашитых на юбках монеток, звенящих при каждом ее шаге.

Узница шипела, извергала проклятия, падала на колени, когда начальник стражи Кляус дергал веревку, но вновь вставала на ноги. Звенели монетки, и девушка опять шла.

– Ночь в камере тебя образумит, клятая воровка! Ты отработаешь все, что наворовала! – шипел на девчонку Кляус.

Только сейчас я рассмотрел, что на его правой щеке красовались здоровенные царапины, будто он дрался с росомахой.

В очередной раз дернув веревку, Кляус добился того, что девчонка рухнула прямо в грязь двора, туда, где было навалено особо много дерьма. Рухнула и проехалась по инерции в своем алом наряде на этой липкой и вонючей массе прямо до моих ног.

Подняла на меня взгляд и застыла.

Застыл и я, разглядывая ее.

Беловолосая, в замаранной грязью и испражнениями одежде, молодая, лет двадцати, может, чуть старше, с зеленющими, как у кошки, глазами, пухлыми губами и презрением на мордашке. Если бы не белые волосы, она выглядела бы типичной кочевницей – представительницей странствующего народа, состоящего сплошь из воров, шарлатанов, мошенников. Будто в подтверждение моих мыслей во двор вкатили кибитку, запряженную двумя лошадьми.

– Ваше высочество, – заприметил меня начальник стражи. – Простите, мой принц! Если бы я знал, что вы тут, вы бы никогда не увидели этого безобразного зрелища.

Я перевел взгляд на Кляуса. Спешно спрыгнув со своей лошади, он подбежал ко мне и принялся раскланиваться.

– Превеликий Господь, ваши сапоги! – воскликнул он, глядя вниз.

И я тоже опустил глаза.

На голенище были видны следы помета – видимо, падая ко мне, девица обдала меня брызгами дерьма.

– А ну, вытирай, шельма! – Кляус занес ногу и пусть не изо всех сил, но ударил ее под ребра, чтобы шевелилась.

В зеленых глазах сверкнула ненависть. С прерванным вздохом и шипением девица потянулась за подолом своей юбки, а после к моим сапогам.

Я отступил на шаг, не давая ей даже коснуться себя.

– Вы правы, ваше высочество, – Кляус тут же принялся рассыпаться в новой порции лебезения. – Он недостойна касаться даже ваших голенищ.

После этих слов он извлек из своего кармана белоснежный платок и сам присел, чтобы очистить мою обувь.

С его фигурой ожиревшего свина это выглядело нелепо, и все же я стоял и ждал, когда он дочистит мои сапоги.

Кляуса я никогда не любил. Скользкий тип, держащийся при дворе только благодаря лояльности моего отца. У меня же был список людей, от которых я избавлюсь, едва корона коснется моей головы. Кляус его возглавлял.

– Хватит! – рявкнул я, когда мне надоело наблюдать за начальником стражи, ползающим по земле.

Этот цирк меня раздражал, я собирался уйти.

Уже разворачивался, когда боковым зрением зацепил, как девица приложила руку к своему сердцу и будто прислушалась к чему-то.

Замер и я, повинуясь неведомому порыву.

– Что она натворила? – спросил Кляуса.

– Мошенничала на рынке, – выпалил он, пытаясь подняться и встать, но из-за веса не выходило, пока ему не помогли два стражника.

– Это неправда! – выпалила девчонка.

Так я впервые услышал ее голос – звонкий и тягучий, будто колокольчики зимним утром.

– Заткнись, шваль! – Кляус побагровел, и девчонке вновь прилетело сапогом под ребра. В этот раз сильнее, чем раньше.

Она закашлялась.

– Прекрати ее бить! – в возгласе я не узнал себя.

Застыл и Кляус, явно не ожидая подобного.

– Так что она сделала? – уже спокойнее повторил я.

– Въехала с подельницей в город, хотя это запрещено приказом вашего отца, – принялся чеканить Кляус. – Расположилась на краю рынка, где, делая вид, что танцует, срезала кошельки у собравшихся зевак. Вторая шарлатанка пудрила мозг доверчивым горожанам и гадала на картах.

– И где она сейчас?

– Сбежала, ваше высочество, – отрапортовал Кляус, отводя от меня взгляд.

– Ложь, вы бросили Агве умирать! – вырвалось с шипением из груди девчонки, и ее связанные руки собрались в кулаки.

– Заткнись, лгунья! – взревел Кляус, и хоть замахнулся рукой на пленницу, но под моим тяжелым взглядом передумал. – Стража, бросить ее в камеру!

Я же ненавижу, когда мне лгут.

Терпеть не могу…

И кто-то из этих двоих мне точно врал.

– В камеру она не пойдет, – ровно произнес я, принимая решение.

– Ваше высочество, но она преступница!

– А я твой принц, – все так же ровно ответил я. – Если я сказал, что в тюрьму она не пойдет, значит, так и будет.

Я жестом подозвал одну из собравшихся посмотреть на это зрелище служанок – то ли горничную, то ли кухарку, то ли выгребуху, и приказал:

– Веревки снять, отмыть и привести ко мне. Я сам решу, что с ней делать дальше. Выполнять.

Глава 2

Незнакомая дородная женщина вела меня длинными темными коридорами. Я семенила за ней, оглядываясь по сторонами, стараясь запомнить входы и выходы и унять бушующий внутри страх.

Все произошло так быстро, что я с трудом могла опомниться.

Пользуясь властью и силой, меня и Агве схватили стражники, будто позорных воровок привязали веревками к лошадям и повели по городу людям на потеху.

Две кочевницы, которых тащил на расправу сам начальник городской стражи, – ни у кого даже мысли не возникло, что меня с Агве оклеветали.

Нам в лицо шипели, извергали проклятия, обзывали – разве что камнями не били.

В какой-то момент Агве не выдержала и упала, схватившись за сердце. Шедшая впереди лошадь протащила ее тело по брусчатке еще несколько метров, прежде чем стражники соизволили отреагировать на мои крики о помощи.

Только вместо того, чтобы позвать лекаря, противный боров гнусно усмехнулся и распорядился отрезать веревку от лошади и бросить Агве там, где она лежала.

Просто посреди города и лютующей толпы горожан, еще недавно с такой охотой любовавшихся моим танцем, а теперь похожих на пустынных падальщиков.

Как я ни упиралась, желая остаться с Агве, меня никто не слушал. Лошадь потащила меня дальше, вплоть до ворот замка, и уже там, будто желая унизить меня окончательно, начальник стражи буквально макнул меня лицом в дерьмо…

– Эй, шевелись! – прикрикнула на меня женщина-сопровождающая. – Принц распорядился тебя отмыть. Нельзя гневить его высочество.

– Принц… – недоверчиво прошептала я, вспоминая лицо своего спасителя.

И спасителя ли?

Когда я упала к его ногам, на холеном аристократическом лице не было ничего, кроме презрения к замарашке.

Вороные волосы, бледное лицо с острыми скулами и ледяным взглядом. Такого жуткого, замораживающего взгляда я не видела ни у кого – синие глаза принца выглядели неживыми и в то же время пронизывающими. Подобный застывший взгляд бывает у окоченевших трупов – когда зрачки кажутся стеклянными, а душа уже покинула тело.

И вначале этот самый принц собирался уйти в замок, ведь ему было плевать, что будет со мной дальше, но потом передумал. Я так и не могла понять, что именно заставило «мертвого» изменить намерения и даже защитить меня от новых ударов, но ничего хорошего от него не ждала.

Никто не испытывает жалость к таким, как я. Где-то был подвох.

– Ты идешь там? – опять окликнула меня женщина. – Если думаешь сбежать, не советую – поймают и клеймят.

Несмотря на ее деланое равнодушие ко мне, смотрела женщина так, будто волочила за собой не девушку, а ядовитую гюрзу.

– Почему вы на меня так смотрите? – не выдержала я. – Я разве сделала вам что-то дурное?

– Кочевница… – коротко бросила она, сплевывая на пол. – Дома, где вы ночуете, подвергаются проклятьям. Это давно все знают.

– Глупое суеверие, – воспротивилась я. – И я не прочь сама покинуть это место, если вы не заметили.

Она поджала губы, но ничего не ответила.

Я же подумала о том, что, быть может, удастся убедить принца в этом мифе. Пусть меня отпустит, если не хочет, чтобы проклятие спустилось на замок.

Подумала и тут же решила, что лучше стану помалкивать.

Кто знает, как может отреагировать аристократ. Вдруг подобно своему папочке, издавшему много лет назад указ о запрете въезда в крупные города кочевников, тоже поведет себя неадекватно.

Да и сам король тоже наверняка в замке, и озлобленный Кляус, я уверена, уже доложил, что принц соизволил спасти «кочевницу» от заточения.

– А как вас зовут? – продолжала расспрашивать я женщину, чтобы поддержать хоть какую-то видимость беседы.

– Шуша, – с неохотой ответила она, толкая одну из дверей в коридоре. – Проходи, тут купальни для слуг.

Я недоверчиво заглянула внутрь.

После произошедшего я не ожидала для себя ничего хорошего – от всего чуялся подвох.

Купальни оказались каменным мешком в подвальных помещениях: сюда не проникал солнечный свет, пахло сыростью, факелы на стенах трещали от непомерной влажности – а все из-за того, что из-под замковой стены пробивался бурный ключ, наполняя подобие крошечного бассейна, вода из которого уходила уже менее бурным потоком в другую стену.

Я поежилась. Мы с Агве привыкли мыться в реках и ручьях – вода там в солнечные дни нагревалась до приемлемых температур. Зимой же всегда за пару монет можно было договориться с банщиками.

В замковых купальнях даже такой «роскоши» не было позволено, но и выбирать не приходилось.

– Спасибо, – поблагодарила я, принимаясь раздеваться, когда же осталась в одном исподнем с платьем в руках, спросила: – А где я могу постирать одежду?

– Нигде, – буркнула Шуша. – Оставляй здесь, я принесу тебе другую.

– Но платье…

– Его сожгут.

Произнесла она это безапелляционно.

Я могла бы сопротивляться, но только по одному тону Шуши стало ясно – отберут и сожгут. Мое алое танцевальное платье, красиво звенящее при каждом шаге, будто рождающее мелодию, – его безжалостно уничтожат.

И я принялась сдирать с ткани самые дорогие сердцу нашивки, впервые понимая слова Агве о милых сердцу монетках с особым трепетом. Потому что с каждой было связано особое воспоминание.

Но успела оторвать только две: ту, что подарила мне духовная мать, когда я впервые очнулась на ее руках, – золотистый кругляш с чеканным профилем пра-пра-пра-прадеда нынешнего короля, и ту, которую заработала первым танцем.

– Не смей портить! – завопила Шуша и выдернула у меня из рук платье. – Иди в воду, кочевница. Не заставляй принца ждать.

Женщина толкнула меня с борта купальни, я же, хватаясь руками за воздух, не сумела удержаться и рухнула в ледяную воду.

Тело тут же обожгло морозом, а из легких выбило воздух. Я ухнула на самое дно, которое оказалось ниже, чем я думала, испугалась, забарахталась. В ладони по-прежнему сжимала монеты, но выпустила их в отчаянной попытке выплыть.

Казалось, уже все, но ноги нашарили каменное дно, и я оттолкнулась, в пару гребков достигла воздуха и с хрипом вдохнула.

Догребла до бортика и бессильно повисла на нем. Ледяная вода уже не казалась такой холодной, но это была лишь иллюзия, я понимала – нужно выбираться. Иначе замерзну.

Шуши уже не было, так же как моего платья. С новой одеждой она тоже не торопилась…

Это казалось идеальной возможностью побега, если бы я не была почти голой – в мокрой нижней рубахе, облепляющей тело. В таком виде я точно никуда отсюда не денусь.

Да и ребра побаливали после ударов.

Задрав мокрую ткань повыше, я принялась себя осматривать.

Шрам под грудью саднил, и я по привычке прислушалась к сердцу – как всегда, ровное биение, без сбоев. Иногда мне казалось, что мы живем с ним совершенно отдельной жизнью. Я переживала, боялась, радовалась, а оно просто качало кровь в организме.

И в то же время я знала, что все дело в магии Агве и ее предков.

Когда она нашла меня умирающей на ночной дороге – девчонку с раной в груди, – то молилась за меня несколько недель, ухаживала, не отходила ни на шаг, лишь бы вытащить с того света. И сделала это.

Я очнулась, но о том, что было до раны, не помнила. Не знала, кто мои настоящие родители, где я росла, кто на меня напал. Ничего. Чистый лист. Разве что имя всплыло в памяти – Эмма.

И вот сгинула Агве… Я могла только молиться за нее, но ее завет уже стучал в моей голове набатом: «Сейчас я твой покровитель, и только моя любовь тебя держит на этом свете. И когда я умру, ты должна найти замену. Чем быстрее, тем лучше…»

Посему выходило, что времени у меня оставалось немного.

Внезапный звук шагов заставил вздрогнуть.

Я торопливо опустила рубашку вниз и крикнула:

– Эй, кто здесь? Шуша?

Вместо ответа дверь купальни отворилась, впуская незнакомого мне мужчину. Он был высок, молод и хорошо сложен. Не похож на тех грубых стражников, что меня вели, но тоже в форме и с ножнами на перевязи.

Безошибочно найдя меня взглядом, он заговорил, и голос его раздался эхом по сводам:

– Ты же кочевница? Я тут по приказу принца.

Даже в тусклом свете фонарей было понятно, что мужчина разглядывает меня и мое тело, так идеально видное под мокрой тканью.

Только этого не хватало!

Не имея другой возможности прикрыться перед незнакомцем, я бросилась к купальне и нырнула в воду.

Он усмехнулся и сделал несколько шагов вперед.

– Судя по тому, что описал принц, тебя били сапогами. А значит, его высочество либо преувеличил, либо ты железная, раз так бодро от меня улепетываешь.

– Вы кто такой? – я отплыла от «берега» подальше, хотя руки сводило от холода.

– Младший королевский лекарь, – мужчина повернулся нашивкой к свету факела, чтобы я разглядела получше. – Вылезай, я тебя осмотрю.

Я помотала головой.

Глупо, наверное. В такой ледяной воде я и минуты не продержусь, но вот так просто выйти перед молодым мужчиной почти в чем мать родила я тоже не могла.

Те лекари, к которым я иногда приводила Агве, всегда были старыми, и никакого стеснения перед ними не возникало.

А тут…

– Вылезай, простудишься! – Мужчина присел на корточки у края бортика и протянул мне руку так доверительно. – У тебя уже губы синие.

В его взгляде я не читала ненависти, даже у дородной Шуши злобы было больше.

– Отвернитесь, – буркнула я.

На что получила:

– И не подумаю. Не знаю, что ты там себе напридумывала, но в твоей худосочной тушке меня интересуют исключительно целостность ребер и отсутствие опасных зараз. Еще не хватало, чтобы в замке появились холера или сифилис.

Я скривилась, ощутив себя оскорбленной. За кого меня приняли? За уличную девку?

Но, не имея других вариантов, из воды все же вылезла.

Мужчина наблюдал за мной со стороны, равнодушно скрестив руки на груди.

– Ребра точно не сломаны, – вынес вердикт он, даже не коснувшись меня ни разу.

– Да сдались вам эти ребра, – огрызнулась я.

– Мне – нет. В целом я вообще предпочитаю ребра свиные, запеченные в собственном соку. Я, собственно, и собирался после дежурства отобедать, но раз принц сказал…

Похоже, в замке все скакали вокруг принца бодрыми горными козочками, не смея перечить.

– Раз ребра целы, то можете идти, – огрызнулась я, обнимая себя руками, чтобы хоть немного согреться.

Шуши с одеждой не было, и я начинала подозревать, что женщина не собирается возвращаться. Кочевниц она не любила, а если я тут замерзну, ей, может, только на руку будет. Нет меня – нет проклятий на замок.

– Как бы не так. – Лекарь отлип от стены и приблизился. – Нужно тебя осмотреть. Возможны внутренние кровотечения. И опять же сифилис. Снимай рубаху!

– Что? – возмутилась я. – Ни за что.

– Снимай, говорю. – Он закатил глаза к потолку и потянулся к ножнам. – Я устал после дежурства, хочу есть и спать. А тут ты… Я что, в игрушки играть пришел? Снимай, или срежу это тряпье сам и осмотрю силой. Принцу скажу, что ты буйный пациент, и мне поверят. Или что ты там думаешь, я груди женской в своей жизни не видел? Да по десять раз на день, всех форм, цветов и размеров.

Все это он произнес абсолютно ровно и спокойно.

Я прониклась.

В отличие от Кляуса, взгляд лекаря не был липким и лапающим. И в отличие от мертвенно-голубого взгляда принца – совершенно не пугал.

Я подчинилась, стащила мокрую рубаху, оставшись в чем мать родила.

Взгляд лекаря при этом даже не изменился. Домогаться до меня он тоже не собирался.

Ощупал ребра – будто у курицы мясо на базаре – деловито, но мягко. И руки у него были теплыми, что в нынешних обстоятельствах воспринималось очень даже животрепещуще.

– Как твое имя?

– Эмма.

– Покашляй, Эмма, – приказал он.

– Кхе-кхе, – выдавила я, ведь до этого старалась даже не дышать…

Сердце все так же билось ровно, хотя мужчина напротив был очень даже симпатичен, но внутри никакого отклика не вызывал.

– Внутренних повреждений тоже нет, – констатировал мужчина. – Так, а это что?

Он провел пальцем по шраму на сердце, и все очарование момента мгновенно испарилось.

– Не ваше дело, – пробурчала я, вновь закрываясь руками. – Ну что, посмотрели? Сифилис нашли?

– Бог бережет тебя, никакого сифилиса, – отозвался лекарь, вставая и отходя от меня. – Можешь одеваться.

Я покосилась на свою мокрую рубаху – меньше всего хотелось сейчас натягивать на себя ледяную ткань.

Посмотрел на нее и лекарь, сразу понимая, что другой одежды мне никто не принес.

– Тебя явно решили испытать на прочность. Люди в замке не любят кочевников, Эмма.

– А вы? Вы тоже нас не любите? – зачем-то спросила я.

Он посмотрел на меня с некой озадаченностью, задумался, но все же ответил:

– Мне все равно. Мое дело лечить, а не любить.

С этими словами мужчина ушел, закрыв за собой двери, а я даже не спросила его имени.

Хотя он был первым человеком в замке, отнесшимся ко мне почти по-человечески.

Прошло еще минут двадцать, и двери открылись повторно. Это была Шуша с одеждой.

Бросив мне в руки серые тряпки, она недовольно гаркнула:

– Давай пошевеливайся. Лекарь Кэрлайл приказал тебя накормить, а потом вести к принцу. Быстрее, чего копаешься? Что за день-то такой! Еще похлебку на кочевницу переводить.

«А вот и имя», – мысленно улыбнулась я. Кэрлайл – надо запомнить.

Ричард

Я зашел в свою опочивальню, и слуги захлопнули за мною двери.

Мне же оставалось задаваться единственный вопросом: что еще пять минут назад я делал в части замка, предназначенной для слуг?

Да, я приказал отмыть кочевницу и привести потом ко мне.

Но зачем? Чистая блажь.

Казалось бы, на этом все, но я остановил себя на полпути в коридоре, ведущем к купальням.

Что я там забыл?

Зачем туда шел?

Словно очнулся от сна и тут же испугался этого наваждения.

Развернулся, отправился к себе. По пути встретил одного из младших лекарей и приказал ему идти туда, куда еще недавно направлялся сам, – в купальни – проверять, не повредили ли кочевнице удары Кляуса.

После этого я ощутил себя чуть спокойнее и, лишь очутившись в своих покоях, осознал, насколько нелогичным и странным было мое поведение.

Отец ненавидел кочевой народ.

Утверждал, что произошедшее со мной восемнадцать лет назад – следствие проклятой магии одной из них.

И что магия эта опасна, способна убивать и лишать разума.

Вдруг и эта беловолосая уже начала плести свое колдунство? А я попал под чары?

Это бы многое объяснило.

Я подошел к бару и налил себе вина. Выпил кубок залпом.

Немного успокоился.

Я наследный принц, будущий король, мне никто не указ.

Она моя игрушка и находится не в казематах только благодаря моей милости.

Хочу – помилую, хочу – брошу собакам.

Только вначале…

Мою мысль прервали. Дверь распахнулась, и в комнату вплыла Таисия.

Как всегда прекрасная и очаровательная.

Я застыл, любуясь ею. Темноволосая, темпераментная, с колдовскими глазами цвета ночи.

Каждый раз, видя ее, я с трудом мог отвести взгляд, будто она мое личное наваждение, заставляющее разум пылать страстью.

– Мой принц, – произнесла она, и от ее голоса по спине будто прошли мимолетные удары молний.

Если бы не приличия, я бы желал овладеть Таисией прямо здесь и сейчас. На этом расписном ковре, моем ложе, столе. Где угодно, лишь бы…

Даже слова давались мне с огромным трудом:

– Слушаю, дорогая невеста.

– Ваш отец в гневе, – все так же невозмутимо и с легкой томностью начала она. – Я была в зале приемов, когда начальник стражи Кляус рассказал о вашей необдуманной выходке, мой Ричард. Освободить кочевницу и воровку! Чем вы только думали?

Не знаю, чем я думал в том момент, но сейчас, глядя на свою будущую жену, думал чем угодно, только не головой.

Мысли отказывались складываться во что-то членораздельное.

– Я старался поступить справедливо, – все же нашел нужные слова. – Возможно, девушка невиновна.

На красивом лице Таисии скривились губы, и тотчас это выражение исчезло. Невеста вновь смотрела на меня с обожанием.

– Невиновных кочевников… – Таис подошла ближе, коснулась моего плеча ладонью, чуть склонилась, приближаясь к уху, и шепнула: – …не бывает. Они все опасны…

– Я так не думаю, – возразил я, но как-то слабо.

И вновь Таис обошла меня по кругу, ее тонкий пальчик чертил на моих плечах неведомый узор, и там, где она меня касалась, расплывался жар желания, дурманящий голову.

– Вы еще слишком неопытны, мой любимый. Она могла вас одурманить, избавьтесь от нее. Не гневите отца.

Я помотал головой.

С каких пор Таис стала заботиться о моем отце? Весь последний год я только и слышал от нее, что пора старику пустить на трон молодых. Мысленно моя невеста уже примеряла корону и рожала от меня наследников. И тут…

– Ты что, ревнуешь? – догадался я. – К кочевнице?

Она остановилась, посмотрела на меня из-под своих густых ресниц и кокетливо опустила их вниз.

– Мой милорд, я знаю, вы добросердечны и даже наш брак – мезальянс. Принц и дочь лекарки – немыслимый союз. Поэтому ничего удивительного в том, что я ощущаю себя не в своей тарелке, узнав, что вы приволокли в замок другую женщину и проявили к ней невиданную доселе щедрость. Она вам понравилась?

Я вскинул бровь кверху. Таис всегда старалась быть со мной честна, зная, как я ненавижу ложь. И сейчас, признавшись, что все дело в элементарной женской конкуренции, она выглядела поистине расстроенно.

А мне не хотелось, чтобы Таис страдала.

– Допустим, приволок в замок ее Кляус, я лишь не позволил свершиться несправедливости. Ты ведь знаешь начальника охраны, он любит приврать в свою пользу, а девушка и вправду не выглядела воровкой.

– Раз так, отошли ее. – Таис сделала шаг ко мне, прижалась мягкой грудью. Она вскинула на меня свой колдовской молящий взгляд, и я нервно сглотнул. – Пусть идет. Не место тут таким, как она. Выгони! Выстави за дверь. Даруй свободу.

Я задумался.

Может, Таис права? Я спас девчонку, и я же могу прогнать беловолосую. Да она и сама с радостью уйдет, если ей приказать. Кочевница, что с нее взять.

Я уже собирался согласиться с невестой, кивнуть и пообещать выполнить ее просьбу, но проклятое сердце будто опять молнией прошибло, и слова так и не слетели с моих губ. Вместо этого я прохрипел:

– Я подумаю над твоим предложением. А сейчас уйди, я хочу побыть один.

– Ричард… – не поняла смены моего тона Таисия. – Что случилось?

– Уйди! – рявкнул я, едва стоя на ногах из последних сил.

Свалиться в приступе перед невестой было бы ужасным позором.

Испуганно отпрянув, Таис приложила руки к лицу и всхлипнула, прикрывая слезы. Так и убежала.

Я же ощутил себя ничтожеством, ни за что накинувшимся и расстроившим женщину, которая меня любит.

* * *

Стоило остаться одному, как я осел на ближайший стул. Долго вдыхал воздух, а в глазах темнело.

Возможно, стоило вызвать лекаря, чтобы осмотрел, что со мной, но людей, которым я бы доверил в замке этот деликатный вопрос, просто не существовало.

После смерти матери Таис мой отец не доверял никому, и, хоть моей невесте передался дар врачевания по наследству, ее привлекать я тоже не желал. Я вообще не хотел, чтобы она занималась ле?карством – это не дело для будущей королевы.

Шли минуты, зрение начало возвращаться, сердце успокоилось – и я вздохнул с облегчением. Очередной приступ прошел.

Тихий стук в дверь прервал мои размышления.

– Кто?

– Ваше высочество, – раздался незнакомый голос, – вы приказывали привести кочевницу.

Ах да, точно… Беловолосая.

– Войдите, – бросил я, и двери тихо приоткрылись, впуская двоих: ту служанку со скотного двора и кочевницу.

Красного платья на девушке теперь не было, вместо него на ней болталось серое застиранное платье, наподобие тех, что носили самые бедные горожанки.

Несколько латок на видных местах, но явно не лучший наряд для аудиенции с принцем. Да и с размером было что-то не так.

– Что это на ней? – смерив взглядом девчонку, спросил я.

– Простите, мой принц, – пробормотала служанка. – Ничего иного не нашлось. Но ведь чистое… это главное.

Я скривился.

Это мне было решать, что главное, а что нет.

– Пойди прочь, – махнул я рукой служанке, а когда она ушла, сел в кресло и задумчиво уставился на кочевницу.

Она стояла, так и не шелохнувшись с тех пор, как оказалась тут, открыто меня не разглядывала, но я видел, как из-под опущенных ресниц блуждает ее любопытный взгляд. По комнате, столам, дорогим вазам, украшениям.

Неужели решает, что отсюда украсть?

– Итак, как тебя зовут? – задал я вопрос.

Девчонка вздрогнула и подняла лицо, так что я смог его лучше разглядеть: странная, в чертах не было ни одной приметы, присущей презираемому всеми народу. Кожа скорее обветренная дорогой, чем смуглая от рождения. Глаза – чистая зелень, таких не бывает у темноволосых и темноглазых кочевых. Из-за цвета кожи они всегда выглядели так, будто измазались в грязи, но эта девушка была иной.

– Эмма, – ответила она ровно и сухо.

Если она и боялась, то вида она не подавала.

– Ты ведь не кочевница, – произнес я очевидное. – Как оказалась среди них? Тебя украли? Где настоящие родители?

Ее глаза округлились, она замотала головой.

– Нет. Вы заблуждаетесь. Меня никто не крал. Меня удочерила одна их тех, кого вы зовете кочевниками, Агве. Это добрая и праведная женщина, она никогда не делала дурного. Наоборот, только добро. Там, где мы путешествовали, все знают ее только по благим поступкам.

– Начальник стражи так не считает, – напомнил я. – Тебя обвинили в воровстве? Сколько украла?

Щеки Эммы вспыхнули, а кулаки сжались. Ничего себе! Проявлять пусть и скрытую агрессию против принца крови?! Она идиотка? И за меньшее всыпали плетей.

Но я пока просто наблюдал и ждал ответа.

– Ваш начальник стражи – подонок, – выдохнула Эмма. – Мы ничего не крали, никогда и ни у кого. Я лишь танцевала, а Агве гадала.

– Гадание запрещено, – напомнил я. – Указом короля.

Девушка прикусила губу и промолчала, не найдя что ответить. А после все же продолжила:

– Но мы все равно ничего не крали. Просто этот ваш… как его – Кляус. Он захотел… – Она задохнулась от возмущения и покраснела.

– И чего же он захотел? – склонившись и прищурившись, поинтересовался я.

Эмма подбирала слова.

Мне же отчего-то становилось даже смешно.

То ли она искусно играла в святую недотрогу, то ли просто притворялась дурочкой, но при взгляде на тонкую девичью фигурку, симпатичную мордашку, пухлые губки я сразу понимал, чего именно захотел Кляус.

Другое дело, почему она ему отказала и расцарапала лицо, словно дикая кошка? Насколько я слышал, девочки-кочевницы рано познавали взрослую любовь, а после не чурались за пару монет составить компанию состоятельному мужчине.

Так почему эта отказала?

– Он мерзкий похотливый толстый козел! – остервенело выдохнула беловолосая.

– Дерзко, – усмехнулся я и напомнил: – Ты вообще-то говоришь о начальнике моей стражи. И за клевету на столь высокую особу тебя могут высечь или снять кожу.

– Но это правда! – В голосе ее мелькнули обида и нотки бессилия.

Впрочем, и без этого я ей верил.

Повалить в кровать симпатичную девку было вполне в духе Кляуса. А уж с его нелестными характеристиками я был согласен тем более. Стало быть, начальник стражи мне в действительности лгал. А я не люблю лгунов.

Это облегчало во многом мое решение – Таис просила послать восвояси кочевницу, и я мог бы это сделать прямо сейчас, но что-то пока удерживало.

Нечто мимолетное и неудержимое, висящее прямо в воздухе.

Мое любопытство.

– Танцуй, – приказал я, решив, что за будущую доброту достоин хотя бы танца.

– Что? – будто не расслышав, переспросила она.

– Танцуй, – еще раз произнес я. – Мне интересно узнать, на что именно купился Кляус.

Зеленые глаза нехорошо блеснули.

– Не буду, – будто отчеканив, отказала она мне.

МНЕ! Принцу!

Гнев взметнулся в моей груди. Что она себе позволяет вообще? Я ее спас, по моему приказу ее отмыли, да она ноги должна мне целовать!

– Что значит не будешь? Я приказываю!

– Нет, – воспротивилась упрямица, сделав едва заметный шаг назад, чем все же выдала свой страх. – Это так не делается. Я танцую только по вдохновению, а не потому, что кто-то так решил.

– Я твой принц, будущий король!

– Я кочевница, у меня нет королей…

От застлавшей глаза злости я вскочил на ноги. Да что эта беловолосая о себе возомнила?!

– Если я прикажу, тебе отрубят ноги и ты больше никогда не сможешь танцевать.

– Мне уже все равно, – ни капли не испугавшись, ответила она. – Меня и так за сегодняшний день лишили всего: Агве бросили умирать, платье сожгли, кибитку расколотили, а лошадей забрали. Можете бросить меня в тюрьму, но я не стану танцевать по указке.

– Ах так… У меня было желание даровать тебе свободу, но ты упустила шанс. – Я смерил взглядом гордую девицу, понимая одно – не отпущу, принципиально. Таис усмирит собственные желания, но эта – Эмма – она упьется своею гордостью. – Тогда я отберу у тебя самое дорогое для кочевника – простор и небо. Ты не покинешь стены этого замка, а станешь прислуживать здесь, пока я не решу иначе. И я посмотрю, на сколько тебя хватит среди тех, кто ненавидит подобных тебе, Эмма!

Глава 3

Неделя…

Неделя неволи, которую нельзя назвать заточением.

Меня не держали в клетке, но и на свободу не отпускали. Огромный замок стал моей темницей.

После того как я рассердила принца, он приказал, чтобы мои руки и ноги заковали в рабские браслеты без цепей. Такие уже лет триста не носил никто, но ради меня сделали исключение, и королевский кузнец нашел две пары.

Теперь каждый в замке знал, что ту, на ком «красуются» эти оковы, нельзя выпускать даже во внутренний двор.

Его высочество и вправду лишил меня неба… за одним исключением, о котором никто не знал.

Целыми днями главная служанка гоняла меня на самые грязные работы по замку: чистить камины, выгребать уборные. Однажды даже приходил сам Кляус, гневно и насмешливо зыркнув на меня, выпросил у главной мэры Алуры меня на целый день – убирать камеры после заключенных…

Вряд ли я забуду то, чего насмотрелись там. Еще сутки после этого меня подташнивало только при одной мысли, что мне еще хоть раз придется идти в казематы с ведром и тряпками.

Но я терпела и молчала, понимая, что если начну высказываться, мою жизнь сделают еще более несносной.

То, что окружающие, мягко говоря, меня не любят, я поняла еще при знакомстве с Шушей, но дальше становилось все хуже.

– Лучше б тебя высекли и прогнали, – слышала я от кухарки каждый раз, приходя на кухню за положенной мне похлебкой. – Кочевница под крышей – горе в доме. Вот помяни эти слова, скоро что-то произойдет.

Дальше со скрипом зубов мне наливали тарелку, молча сверлили взглядом, пока ела, и прогоняли восвояси, едва зачерпывала последнюю ложку со дна.

А два дня назад я все же не выдержала и огрызнулась:

– Так отравите же меня наконец, – буркнула кухарке. – Раз я вас так раздражаю. Нет меня – нет проблем.

Дородная повариха Жако скрестила на груди руки и надула щеки.

– Принц запретил. Сказал, если тебя хоть кто пальцем тронет – четвертуют.

– Какая забота… – поерничала я, за что кухарка тут же замахнулась на меня половником, но бить передумала.

– Поговори мне еще тут. Жри молча. А то в следующий раз если не потравлю, то пересолю. Посмотрим, какая говорливая будешь.

Вняв угрозе, я молча опустила взгляд в тарелку, а после еды так же молча ушла.

В остальном мои дни проходили однообразно и серо…

И все же совсем сделать мою жизнь унылой его высочество Ричард не сумел.

Женское крыло служанок располагалось на нижних этажах замка, но соседствовать с кочевницей там никто не пожелал. В итоге мэра Алура, не имея другого выхода, выдала мне ключи от каморки на чердаке. Тут не было окон, зато водились летучие мыши, вылетающие ночами в небольшую дыру в стене. Утром сквозь нее, как через отдушину, пробивался солнечный свет. Оттуда же я видела небо и радовалась тому, что даже будущий король не сумел лишить меня всего.

Это утро началось со стука дождя, ливень колотил по крыше, не давая доспать остаток ночи.

Поднявшись, я потерла затекшие за ночь руки. С ненавистью просверлила взором проклятые браслеты на руках и ногах. Они не жали, но раздражали просто фактом наличия.

Вдобавок в последние дни кожа в местах соприкосновения с металлом начала сильно чесаться и покрываться мелкими красными пупырышками, похожими на ожоги крапивы. Нужно было раздобыть какую-то ткань, чтобы обмотать запястья

и голени под оковами, но пока такой не находилось.

Делиться со мной вещами тут никто не спешил. Единственное серое платье, которое дала Шуша, и то приходилось стирать перед сном, а после, если оно не успевало высохнуть за ночь, сушить на себе.

Уже несколько раз я порывалась попросить у мэры Алуры еще одно на смену, но каждый раз что-то мешало.

Но сегодня я точно для себя решила поговорить с ней. Тем более что проблема одежды была не самой серьезной – приближались женские дни, а значит, нужно было найти еще один комплект исподнего или хотя бы тряпочки на смену.

Одевшись, я уже привычными ходами для слуг спустилась на нижние этажи, минуя господское крыло.

Почти каждый день у меня мелькали мысли найти принца и просить помиловать меня и отпустить. Мысли мелькали, но я тут же прогоняла их.

Даже мытье нужников было меньшим унижением, чем вот так умолять.

Принц бы смотрел на меня, на его губах плясала холодная усмешка, а взгляд мертвенно-синих глаз не выражал бы ничего, кроме презрения к кочевнице.

Я вспомнила его снисходительное «Танцуй» и передернулась.

Я много раз танцевала для развлечения публики, наверное, не расклеилась бы станцевать и для Ричарда.

Но Агве всегда учила, что танец должен идти от сердца, иначе это и не танец вовсе, а просто движение тела. Предав искусство единожды, уже никогда не сумеешь танцевать как раньше.

Мое же сердце будто останавливалось рядом с принцем. Мне претило делать этому надменному хлыщу одолжение…

* * *

В крыле для слуг царила суета. Все куда-то бежали, торопились, одна поломойка едва не столкнулась со мной, когда я вышла в коридор, и не снесла меня с полными ведрами воды.

– Смотри, куда прешь, кочевая, – крикнула она и побежала дальше.

Я растерянно оглянулась.

За неделю такое было впервые, обычно мэра Алура всех держала в строгости, но сейчас…

– Вот ты где… – донесся до меня ее голос. – Ну иди сюда. Кочевая! Эмма, я тебе говорю!

Я обернулась и увидела мэру.

Ей было около шестидесяти, сухая, с прямой спиной и твердым взглядом. За время, проведенное в замке, я выяснила, что Алура всегда поджимала губы, когда была чем-то недовольна, и по степени сжатости становилось понятно, насколько все плохо.

Сейчас ее рот напоминал узкую щель, а полосок губ и вовсе не получалось разглядеть. Они побелели от напряжения.

Я подошла ближе и остановилась.

Всю неделю, в отличие от всех местных служанок, перед ней я не кланялась, но отсутствие женских салфеток вынуждало идти на сделку с собственной гордостью. И, пересилив себя, я сделала подобие приседа…

– Что ты прыгаешь лягушкой? – не поняла мэра моего маневра. – Ну-ка, выпрямись. Да стой же ровно!

Она подошла ко мне и сухой рукой взяла за подбородок. Принялась вертеть из стороны в сторону, пристально разглядывая.

– Тебя же доктор осматривал?

Я рассеянно кивнула.

– Зубы покажи!

Тут мне приказывать было не нужно, и я оскалилась.

– Так, отлично! Вторая есть, – будто бы с облегчением выдохнула она. – Кто бы знал, насколько невозможно найти в замке срочную замену.

– Что-то случилось? – робко спросила я.

– Да! – почти рявкнула на меня мэра. – Две прислужницы Таисии, невесты нашего принца… О боги! Меня казнят…

Мэра аж задохнулась.

Я же навострила уши.

– Наблудили они, – понизила она голос до шепота. – Дворцовый врач у них шлюшью болезнь обнаружил. Сифилис. Срочно нужна замена, пока это не дошло до леди Таисии.

– И вы выбрали меня? – не поверила я.

– Временно. Подведешь – и год из нужников не выйдешь. Ночевать там будешь! – пригрозила мэра.

Быстро сообразив, что это мой шанс, я закивала.

– А можно мне платье еще одно? И… – Тут я запнулась и понизила голос: – И салфетки на женские дела.

– Что ты там бормочешь? – не расслышала Алура. – Какие еще конфетки? Бегом в господское крыло. Там уборки немерено.

Она буквально развернула меня и подтолкнула проваливать восвояси, а сама тут же отвлеклась на остальную прислугу.

– Что стоите, шельмы блудливые? Все на осмотр сегодня! Всех к дохтуру! Заразу в замке разводить не позволю!

Голос Алуры остался где-то позади, когда, вооружившись ведром и тряпками, я направилась в господское крыло.

Где покои будущей королевы Таисии, я узнала еще в первый день тут. Шуша показала, пока вела меня к принцу.

Двустворчатые двери с золотистым узором было сложно не запомнить, а еще странный запах благовоний, который буквально витал в коридоре подле ее покоев.

Когда я спросила у Шуши, чем пахнет, она лишь отмахнулась, сказав, что я сумасшедшая кочевница, которой все чудится.

Но вот я опять стояла возле этих дверей и отчетливо ощущала запах. Вроде бы смутно знакомый, не сказать, что приятный, но совершенно точно присутствующий.

– Кто такая? – перегородил мне дорогу стражник.

– Мэра Алура прислала на уборку, – отчеканила я.

Стражник тут же кивнул.

– Проходи, твоя товарка уже там.

Он приоткрыл одну из створок, пропуская внутрь. Запах усилился.

А стоило зайти внутрь, так захотелось и нос зажать – слишком насыщенно даже для моего простецкого носа, который какого только дерьма не перенюхал. Я даже чихнула.

На звук обернулась уже находившаяся в комнате девушка. Примерно моих лет, рыженькая и такая же худенькая. Она как раз заканчивала протирать зеркало.

– Будь здорова! – совершенно неожиданно произнесла она.

И я округлила глаза. Серьезно? Мне не почудилось? Мне пожелали здоровья, а не сдохнуть?

– Спасибо… – даже растерялась я.

– Тебя мне в помощь послали? – тут же затараторила девица. – Матушка обещала, что пришлет. А то тут работы…

– Матушка? – переспросила я.

– Мэра Алура, – кивнула рыженькая, отходя от зеркала и протягивая мне руку. – Я, кстати, Хло.

– И ты нездешняя, – догадалась я, недоверчиво разглядывая новую знакомую.

– А ты как догадалась? – хлопнула она глазами.

– Потому что я – кочевая, – припечатала, наблюдая за реакцией, которая последовала незамедлительно. Руку от меня отдернули. – Мать же тебе наверняка говорила.

Повисла натужная пауза.

Хло смотрела на меня, я на нее.

Возможно, я была груба, но рассудила, что так будет лучше. Раз уж на меня все смотрят как на прокаженную, нечего и начинать заводить друзей, которые от

тебя потом отвернутся под давлением окружающих.

– Я живу с отцом и работаю в городе, – зачем-то поделилась со мной Хло. – Но сегодня мать послала за мной с самого утра и сказала, что теперь я буду убирать покои будущей королевы.

– Мм-м… понятно, – только и ответила я, поднимая свое ведро и собираясь начать мыть полы. – Весьма полезная информация.

– Ты грубая, – обидчиво произнесла девушка, надув губы.

Я хотела ей ответить, но опять чихнула. Запах был удивительно въедливым.

– Да чем же здесь пахнет? – не выдержала я.

– Пахнет? – удивилась моя напарница. – Ничем. Совершенно ничем.

Хло принюхалась, даже зачем-то засунула нос себе под подмышку, а после, точно успокоившись, утвердила, что посторонних запахов нет.

Складывалось ощущение, будто я сошла с ума. Может, и вправду мне чудится.

Чтобы хоть как-то отвлечься от всех этих мыслей, я принялась за работу. Мыла полы, стирала пыль, протирала вазы и бесконечно чихала.

Попутно про себя задаваясь вопросом: а где, интересно, в столь ранний час, когда не спит только прислуга, а все аристократы еще десятый сон видят, сама хозяйка покоев?

Судя по тому, с какой уверенностью мэра Алура отправила меня и свою дочь на уборку комнаты, таинственная невеста принца не имела привычки спать ночами в собственной постели.

Я бросила любопытный взгляд на неразобранную кровать, а после даже подошла ближе, поправила чуть сползшее покрывало, подбила подушку, задумчиво глядя на облачка пыли, которые взлетели вверх.

– Ты заправляла постель? – неожиданно для себя самой спросила у Хло.

Та с неохотой, но ответила:

– Нет, она уже была заправлена, когда я явилась. А что?

– Ничего, – пробормотала я, отходя от кровати с полным ощущением того, что на ней ни сегодня, ни вчера никто не спал.

С другой же стороны, невеста принца могла спать с самим принцем. И тогда не было ничего удивительного в том, что кровать никто не трогал.

И все же что-то продолжало меня смущать…

– Ой! – внезапно пискнула Хло, и я обернулась на возглас.

Девушка стояла возле столика с притирками и косметикой и отчаянно трясла пальцем, на котором набухала капля крови.

– Укололась, – пожаловалась она. – О бантик.

Я скосила взгляд на кусок алой материи, причудливо сложенный в подобие бабочки и буквально истыканный иглами.

Внутри меня все похолодело.

Я сделала несколько шагов вперед, чтобы убедиться, что мне не показалось.

То, что Хло назвала бабочкой, было куском моего алого платья.

А запах! Я наконец-то поняла, чем именно тут пахло.

Запах, который знает каждый кочевник. Который означает потерю.

Запах, предвещающий смерть существа, которое порой ближе любого человека.

Здесь пахло лошадиной кровью…

Ею была пропитана ткань. По спине прошел неприятный холодок.

Что все это значит? Почему кусок моего платья у невесты принца в спальне?

– Эй, кочевница! – Хло помахала у меня перед лицом ладонью. – Ты побледнела. Все хорошо?

– Угу, – промямлила я, подходя и аккуратно забирая ткань. – Это, наверное, мусор, нужно выкинуть?

– Уверена? – Лицо Хло выразило сомнение. – А если это что-то ценное? Нас обвинят в воровстве. Высекут.

– Из ценного тут только иглы, их мы вытащим, – уверенно ответила я и повыдергивала все содержимое тряпки, положив на столик перед зеркалом, где лежало.

Сразу после этого стало спокойнее.

Я никогда ничего не слышала о подобной магии, но интуиция подсказывала, что от хороших намерений иглы в пропитанные кровью тряпки не втыкают.

Вот только чем я могла насолить невесте принца, не понимала. Я ее даже в глаза не видела.

Окровавленный ошметок платья спрятала вначале в ведро с мусором, а потом, когда уборка была закончена и мы с Хло покинули господские покои, я долго отстирывала тряпицу под проточной водой в купальне.

Самое пугающее в этой ситуации было то, что мне даже рассказать некому. Никто не поверит, что будущая королева пытается навести магию на никому не нужную кочевницу.

По какому-то странному стечению обстоятельств никто даже не ощущал запаха крови, который несомненно витал в воздухе.

Вот была бы рядом Агве… Она бы точно во всем разобралась.

Если душевная мать и сумела выжить, то сейчас находилась где-то за пределами замка, а значит, встретиться с ней у меня не было ни шанса. По крайней мере, пока.

После купален я отправилась на кухню – к этому часу там обычно уже не оставалось никого кроме злой кухарки Жако, и я могла поесть почти в одиночестве.

Но едва я проскользнула в узкое помещение без окон, где обычно обедали слуги, как поняла, что сегодня пришла рановато.

За столом сидел не кто иной, как лекарь Кэрлайл, а рядом с ним заботливо щебетала кухарка:

– Может, добавочки? Еще половничек? А мясное жаркое… специально для вас, господин Кэрлайл, схоронила. Вчера свинью прирезали, вот подождите, сейчас только принесу.

Решив, что лучше зайду позже, приготовилась прикрыть за собой двери, но меня приметили:

– А ты, шельма, чего пришла? – мгновенно сменила тон Жако. – Потом придешь, не видишь, господин лекарь обедает.

– Да ухожу я, ухожу, – не видя смысла спорить, отозвалась я разворачиваясь.

– А ну, постой, – догнал меня в спину мужской голос. – Мэра Жако, с каких пор вы стали такой злой? Эмма, заходи.

Я остолбенела и недоверчиво обернулась.

Доктор и в первый день повел себя со мной по-доброму, но тогда мы были наедине, а тут при свидетелях открыто выразить дружелюбие к кочевнице! Это становилось опасным для репутации.

– Садись, – Кэрлайл кивнул на место напротив.

И в этот момент, видит бог, я услышала, как скрипят зубы Жако, хотя нас разделяло несколько метров.

– Но господин лекарь, – зашипела она в присущей ей манере, – это же кочевница. Проклятие будет на нашем доме…

От того, в какой раз она это все говорила, я закатила глаза к потолку.

– Все же пойду, – пробормотала я, не желая выслушивать, как сейчас меня опять начнут поливать грязью еще и перед лекарем.

– Жако, – голос Кэрлайла неожиданно приобрел ледяные нотки, – если я попросил Эмму сесть рядом, значит, пригласил ее присоединиться к обеду со мной. И ваше ценное мнение, мэра, здесь не учитывается. Принесите лучше тарелку. И мясо, которое вы мне обещали!

Кухарку перекосило, я же услышала слово «мясо», от которого в желудке тотчас же заурчало. В той похлебке, которую мне обычно давала повариха, в лучшем случае был мясной бульон.

В общем, я купилась на еду и, пройдя к столу, села напротив Кэрлайла.

Тем более что Жако уже принесла обещанную свинину, от которой вился аппетитный дымок.

– И тарелку, – напомнил ей лекарь. – Я же тут не один.

Пока кухарка ходила за посудой, я молча наблюдала за тем, как Кэрлайл разделывал мясо огромным ножом.

– Как обжилась? – первым нарушил молчание он.

Я вскинула на мужчину вопросительный взгляд.

– Не смотри так, – продолжил он. – Мне и вправду интересно.

– Относительно своего положения – неплохо, – ответила я. – Свою еду я отрабатываю, меня не бьют, но и на свободу не отпускают.

В этот момент вернулась кухарка, буквально швырнула передо мной пустую миску и тут же удалилась.

– С подругами, как я вижу, не задалось, – продолжил Кэрлайл, кладя в мою посуду кусок вожделенного мяса. – А с друзьями?

Я уже тянулась к еде, но тут застыла на полувдохе. Лекарь на что-то намекал? Или мне показалось?

– С друзьями? – переспросила я.

– Да, – кивнул он. – Я имею в виду мужчин. Ты уже завела кого-то? Охрана? Может, кто-то из господ?

Я вспыхнула гневом и ощутила внутри непреодолимое желание выхватить нож из рук лекаря и всадить ему же в руку.

Может, к дворцовой служанке и можно было так бесцеремонно обращаться, но я… хоть была трижды кочевницей, никогда такого не позволяла.

– Вы за кого меня принимаете? – прошипела я. – Или сами претендовать решили? За кусок мяса купить захотели?

Я отшвырнула от себя тарелку так, что та пролетела едва ли не половину стола.

– Эй, полегче, – повысил голос Кэрлайл. – Сумасшедшая, что ли?

Он притянул тарелку обратно и поставил передо мной.

– Ешь, – отчеканил он. – Придурковатая! В замке осмотр слуг на «любовные болезни». Знаешь, сколько за сегодня лекари обнаружили этой дряни среди

служанок и охраны? Лучше не знать. Я поэтому и спрашиваю: сошлась уже с кем?

Я прикусила нижнюю губу. Вот же… Мэра Алура ведь еще утром сказала, что доктора сегодня будут всех осматривать, меня потому и определили на уборку к Таис, что в сложившейся ситуации только во мне и своей дочери мэра оказалась уверена.

– Ни с кем я не была, – уверила доктора. – Да и поверьте, тут за мной очереди не выстраиваются. Я же кочевая, проклятье на замок, и все такое.

Последней фразой я передразнила манеру кухарки говорить, и Кэрлайл невольно улыбнулся.

– Тогда ешь, – ответил он. – Ты похудела, и это заметно. Я помню, какой ты была неделю назад.

В этот раз уговаривать не пришлось, я вцепилась в еду и долго с наслаждением уплетала жаркое.

В какой-то миг даже показалось, что это лучший момент со времени моего появления в замке, ровно до того, как в столовую не ворвалась Жако, с силой впечатывая двери в стену.

Женщина была всклокоченной, запыхавшейся, будто бежала откуда-то, и очень-очень злая.

Она смотрела на меня с такой лютой ненавистью, что я подавилась последним кусочком.

– Проклятье! Я же говорила, что эта тварь навлечет на замок проклятье! – прохрипела она.

– Спокойнее, – опомнился первым Кэрлайл, привставая из-за стола. – Что произошло?

– У короля случился удар на прогулке по городу. Его только что привезли в замок, – выдохнула кухарка и перевела взгляд на меня. – Если его величество умрет – это ты будешь во всем виновата!

Глава 4

Ричард

Вот уже второй день как отец неподвижно лежал в кровати.

Его тело парализовало, и лишь взгляд оставался живым, да губы двигались в полуслышном неразборчивом шепоте.

Я стоял у окна, наблюдая со стороны, как трое лекарей совещались между собой. Прогнозы звучали неутешительные.

То и дело обсуждали сроки, оставшиеся моему отцу. Неделя, два дня, сутки. Складывалось ощущение, будто врачи торговались за наименьшее количество времени, и лица их мрачнели.

Но ненадолго, ровно до момента, пока они не начинали смотреть на меня.

Во взгляде тут же проступало подобострастие, и, кажется, теперь каждый их них хотел быть тем, кто сообщит мне о скорой смерти отца. Похоже, они думали, что я обрадуюсь.

– Ваше высочество… – начал один из них и запнулся. – Простите, ваше будущее величество, мы сделали все, что могли. Теперь поможет только чудо.

Я вновь взглянул на отца.

Чуда не будет, даже мне, далекому от врачевания человеку, было это понятно.

Отец умирал и, кажется, мучился от боли, но из-за паралича не мог этого показать. Лишь на лице застывала гримаса, а после сменялась недолгим облегчением.

Возможно, смерть стала бы ему избавлением.

– Он говорил что-нибудь новое ночью? – спросил я. – Быть может, какие-то наставления, звал кого-то?

– Нет, ваше будущее величество, – заговорил второй лекарь, и меня аж перекосило от того, как подобострастно он произносил «новый» титул. – Как и прежде, лишь одно слово – «кочевница». Возможно, слуги были правы, и девушка в замке, которую вы приютили, навлекла проклятие. Возможно… – тут лекарь призадумался и почесал жидкую бороденку, – стоит провести обряд. Я слышал, если убить виновницу колдовства, то проклятие можно снять. И тогда с огромной долей вероятности ваш отец пойдет на поправку.

Я резко поднял голову на зарвавшегося идиота. И это один из главных королевских лекарей, рассказывает мне об идиотских суевериях.

– Чушь! – одернул его я. – Девчонка ни при чем. Я ведь уже рассказывал. Мы с отцом ехали по городу, немного повздорили, а после он увидел кого-то в толпе.

Я на мгновение прикрыл глаза, чтобы заново вспомнить все детали.

Это была обычная прогулка, из тех, что его величество совершал раз в неделю: раздавал милостыню бедным, благословлял на добрый труд горожан, улыбался челяди. Простая формальность. Не больше.

Единственное отличие было в том, что мы тихо переругивались. Отец был решительно против того, что под крышей замка обитает кочевая. По какой-то неизвестной мне причине он ненавидел этот народ всей душою.

Но я был непреклонен.

Девчонка останется. Пока я не решу по-другому. И точка.

Отец даже сдался моему напору, махнул рукой, когда мы проезжали по центральной площади, и совершенно неожиданно схватился за сердце, глядя куда-то в толпу собравшихся.

Я услышал лишь его возглас «Кочевница!», после чего он будто замертво упал с лошади.

Мои попытки понять, кого же он увидел, не увенчались успехом. Толпа испуганно отхлынула с площади, едва осознав, что происходит. Начались паника и суета.

Отца срочно доставили в замок, и с тех пор единственное членораздельное слово, которое можно было разобрать из его уст, было то самое «кочевница».

Тупая челядь мгновенно свалила всю вину на Эмму, девушку, которую из чистого упрямства я не отпускал из замка до происшествия.

А сейчас, когда грянул гром, не отпускал потому, что за стенами замка ей было опаснее, чем внутри.

Слухи о том, что некая молодая колдунья навлекла на короля недуг, распространились вначале среди горожан, а потом и дальше.

Темный крестьянский народ теперь боялся кочевых еще больше, чем раньше. Мне уже доложили о нескольких кровавых расправах на большой дороге, и я прекрасно отдавал отчет: отпущу кочевницу сейчас, то молодая и красивая девчонка не протянет до ночи.

В лучшем случае просто убьют, в худшем… В худшем ей точно не понравится, что с ней могут сделать.

В замке же ее хранил только страх слуг передо мной.

Тронут ее – будут повешены на городской стене. Я четко обозначил свою позицию, когда узнал, что Эмму пыталась избить местная кухарка и только один из младших лекарей сумел растащить их.

– Мой принц, – ожил третий лекарь. – Но из-за вашего упрямства ваш отец может умереть. Если на одной чаше весов какая-то кочевая, а на другой жизнь короля – выбор очевиден.

Я сощурил глаза, пристально глядя на врачевателя.

Лет сорока, худощавый, в дорогих одеждах, расшитых золотом, и с ухоженными руками, усыпанными кольцами. Давно ли он вообще работал с обычными больными? Судя по виду – нет: привык почивать на лаврах личного лекаря короля.

– Напомните, как вас зовут? – вкрадчиво поинтересовался я.

– Старший королевский доктор Бернард, – гордо изрек лекарь.

– Так вот, уволенный доктор Бернард, – продолжил я. – Только я тут решаю, что и на какие чаши весов класть. А сейчас подите все прочь. Я должен остаться с отцом наедине.

Эмма

Замок – моя тюрьма.

Эта комната – тоже моя тюрьма.

Этот чердак – мои оковы…

Я просто лежала на кровати, вот уже второй день.

Еду приносили под двери, и хотя они были не заперты, выходить за них мне не рекомендовала мэра Алура. Ради моей же безопасности.

Потому что почти все в замке считали, что это из-за меня сейчас умирает король. И быть может, мне удалось бы достучаться до здравого смысла окружающих,

если бы не пара выкриков, которые исторг из себя его величество, когда его привезли в замок.

– Кочевница!

Прозвучало как приговор. Для меня.

Кухарка была готова меня разодрать, будучи уверенной, что за это теперь ее похвалят.

И если бы не Кэрлайл, находившийся рядом, кто знает, безумная Жако могла и прирезать кухонным ножом.

С тех пор я и сидела в своей каморке.

Еду и воду приносила Хло, дочь Алуры. Я пыталась с ней поговорить, что-то разузнать, но она лишь молча и испуганно сбегала, не проронив ни слова.

Разве что когда настали женские дни, я все же сумела крикнуть ей вслед о своей потребности, и вечером вместе с тарелкой еды девушка оставила стопку чистых салфеток.

И на том спасибо.

Когда с тоской смотрела на потолочные балки, у меня даже мелькала мысль: а может повеситься со скуки? Никто не станет жалеть! И только летучие мыши, живущие под крышей, укоризненно раскачивались из стороны в сторону и шелестели крыльями.

Мол, совсем сдурела?

Ты же кочевая? Не смей сдаваться так просто!

Подумаешь, два дня никуда не выходила. От этого не умирают.

Этой же ночью мне не спалось, по крыше бил дождь, гремела гроза, а в щели задувал пронизывающий ветер.

Куцего одеяла не хватало, чтобы накрыться, и от этого забившись в самый угол своей кровати-подстилки, я поджимала под себя ноги.

Даже мыши сегодня не вылетели на охоту, решив, что погода нелетная.

Внезапный грохот о крышу заставил меня вздрогнуть. Будто что-то тяжелое свалилось сверху.

«Может, большая градина?» – подумала я, но грохот повторился совершенно нехарактерным звуком.

Будто что-то или кто-то попал в пространство между настилом крыши и балками и теперь бился там.

Решив, что это заблудившаяся мышь, я даже не шелохнулась: сама вылезет. Но когда к звукам царапания присоединился жалобный писк, я все же заставила себя выползти из своего укрытия.

Звук шел откуда-то из забитых наглухо досками пространств. Недолго думая, я попыталась руками оторвать их, но ничего не вышло. Исцарапав пальцы в кровь, я схватила оставшуюся после обеда ложку и попробовала поддеть доски ею. Спустя долгие минуты усилий и мучений у меня все же вышло.

Старое дерево со скрипом поддалось и осталось в руках. Из получившейся дыры сверху на меня рухнуло что-то мокрое, страшное и всклоченное.

Рухнуло и испугалось меня еще больше, чем я его. Дернулось в сторону, цепляясь раскинутыми крыльями за все подряд, пытаясь взлететь, но терпя неудачи.

Правое крыло сразу показалось мне сломанным.

И нет, это точно была не мышь.

Два огромных испуганных желтых глаза выдали в птице слетка совы, явно недавно вставшего на крыло.

И что-то у него этой ночью явно пошло не так… Иначе бы он точно не оказался здесь со мной на одной крыше.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – попыталась позвать я птенца, но, разумеется, совенок – не курица. Ко мне ни на полдюйма не подошел.

Пришлось ловить.

Благо уставшая птица была не столь прытка, и вскоре мне удалось аккуратно поймать ее и взять на руки. Ощупав крыло, я поняла – дело плохо. Оно явно было сломано, и как в таких случаях поступают с дикими слетками, я не знала.

Мы с Агве никогда не разводили ни кур, ни цесарок, предпочитая покупать их тушки за деньги, которые выручали на ярмарках. Жизнь кочевника не предусматривала долгих стоянок и заведения курятника. Но что-то мне подсказывало: даже опытные крестьяне, знакомые с домашней птицей, не стали бы церемониться с курицей-инвалидкой и лечить той крыло. Свернули бы шею, чтобы не мучилась, – и в котел.

С совенком же я поступить подобным образом не могла.

Завернув птицу в тряпки, я решилась на первую вылазку вглубь замка за все время, что прошло с болезни короля.

У меня родилась идея обратиться за помощью к Кэрлайлу – лекарю, одному из немногих в этом месте, кто воспринимал меня не как прокаженную.

Ночью коридоры были пустынны и тихи, лишь факелы потрескивали и чадили, рождая пугающие тени на стенах.

Крадучись, я спускалась по лестнице на нижние этажи, туда, где был замковый лазарет. Сама я там ни разу не была, лишь пробегала мимо с ведрами и тряпками, пока занималась служаночьими делами.

Птица в моих руках притихла, и я слышала только, как дрожит ее тельце от страха, а еще колотится сердце – даже через слои ткани, в которую я обернула пичугу. Мое сердце никогда так не билось… всегда ровно и размеренно, даже сейчас, хотя я очень боялась, что кто-то из охранников встретится мне по пути.

Ничем хорошим сейчас бы это не закончилось. Обвинили бы в очередных кознях и наведении магии, а совенка, сказали бы, на кровавую жертву приготовила.

К счастью, мой путь до самой лекарской был свободен. Уже стоя у пошарпанных от времени дверей, я прислушалась к тому, что происходило внутри.

Тишина… Будто и не было никого. Разве что тонкая полоска света пробивалась из щели снизу.

Набравшись решительности, я постучалась.

Когда никто не открыл, толкнула дверь сама, и та со скрипом отворилась.

Внутри было тихо, так тихо, что каждый мой шаг отдавался глухим эхом. Несколько деревянных кроватей для больных пустовали, а единственный источник света исходил от горящей свечи за пустым столом.

Никого нет, решила я и приготовилась уйти, но внезапный шорох откуда-то из глубины комнаты, куда не доставал свет свечи, заставил меня замереть.

– Ахр… хр…

Взяв в свободную руку свечу со стола, я двинулась на храп. А это точно был храп!

Источник обнаружился быстро: в дальнем углу, привалившись к стене, спал Кэрлайл. Скрестив руки на груди, он, кажется, видел сны и что-то неслышно бормотал, шевеля губами, а ресницы его чуть подрагивали.

Почему лекарь не спал на свободных кроватях, было решительно непонятно, но я сюда не в его странностях разобраться пришла. Присев рядом, я толкнула мужчину в плечо.

Тот резко вздрогнул и открыл глаза, не моргая уставившись на меня.

– Ты что тут делаешь? – без всяких предисловий спросил он, осматриваясь по сторонам. – Ты что, одна сюда пришла?

– Одна, – кивнула я. – Хотя не совсем, мне просто пришлось выйти.

– Дурная девка, – закатил глаза к потолку Кэрлайл, поднимаясь на ноги. – Мало на тебя кухарка с ножом кидалась? Чего выперлась? Да еще ночью, через ползамка! Жить надоело? Все знают, что тебе запрещено покидать твою комнату или где ты там обитаешь?

Я насупилась. Отчитывать меня как девчонку могла только Агве, больше такой наглости я никому не позволяла. Тоже мне, папочка нашелся.

– А если мне понадобился лекарь? – наклонив голову набок, с вызовом произнесла я. – Ну вот чисто по женскому упрямству. Взяло и понадобилось.

Глаза Кэрлайла округлились.

– По женскому – это как? – не понял он. – Только не говори, что поймала какую-то болячку. Сыпь есть? Чесотка? Нагноения? И вообще, что ты там за пазухой прячешь, только не говори, что это опухоль…

Я даже отшатнулась на шаг от таких перспектив. Почему этот человек сразу думал о каких-то ужасах?

– Нет! – покачала головой я. – Там только сова. Вот, держите.

С этими словами я раскутала голову совенка из-под тряпья и всучила в руки обалдевшему лекарю.

– Это что? – осоловело хлопнул глазами мужчина.

– Мое женское дело. Я не умею лечить птиц.

– И я тоже, забери. – Кэрлайл попытался отдать совенка мне.

Я отскочила назад.

– Что значит не умеете? Вы ж лекарь! – прозвучало обвинительно.

– И-и-и? – Голос Кэрлайла стал тихим и вкрадчивым. – Если я лекарь, то должен лечить всех подряд, что ли? Ты бы мне еще таракана сюда приволокла. Откуда у тебя вообще птица? Ты же не выходишь из замка.

– С неба свалилась, – призналась я. – Через крышу. Ну так что, вы поможете? Пожа-а-а-луйста!

Последнее слово я протянула так жалостливо, что Кэрлайла, кажется, проняло. На миг его суровое лицо смягчилось, и он сдался.

– Да я понятия не имею, что делать с птицей, – мужчина направился к своему столу, бурча себе под нос. – Да у Жако больше опыта по разделке цыплят, чем у меня с этими крылатыми тварями. Тоже мне, нашла добряка…

Пока Кэрлайл недовольно выражал свое отношение ко всему происходящему, я наблюдала со стороны, как он очень аккуратно положил птенца на стол, освободил его полностью от тряпья, погладил по мягкой голове, где перышки всклочились особенно сильно.

– Только клюнь меня, курица-переросток! – продолжал мужчина. – На суп пущу. Интересно, из сов вообще варят супы? Или лучше сразу на жаркое… Хотя сколько в тебе того мяса: кожа да кости… А ну, не трепыхайся! Так, это крыло в порядке, а это… похоже, сломаны две кости. Но я понятия не имею, как тебя лечить. Чем вообще кормят сов?

Кэрлайл обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

Я пожала плечами.

– Подозреваю, что мясом, – кивнула на огромные когти птицы. – Не думаю, что такими мощными лапами она ковыряет коренья.

Лекарь закатил глаза к потолку и одними губами изрек неведомые мне проклятия.

И все же, несмотря на деланое недовольство, я видела, как в этом человеке проступают черты доброты, тщательно замаскированные под злой цинизм.

– Так, ладно! Убирай отсюда эту гадость, – приказал лекарь. – Это вообще-то для людей лечебница, а не конюшня.

– Ну так и птенец не конь, – возразила я. – Делать-то мне с ним что?

– Кормить, – пожал плечами лекарь, а после, немного подумав, добавил: – Завтра я подойду к королевскому егерю и спрошу совета. Он когда-то имел дело с охотничьими соколами. Возможно, подскажет что-нибудь.

– Спасибо, – благодарно прошептала я, начиная медленно приближаться к птенцу, чтобы забрать.

В этот момент из коридора раздался шум. Множество шагов, незнакомые голоса… И все они двигались в нашу сторону.

Я вопросительно глянула на Кэрлайла, а тот – суматошно на меня.

– Быстро под кровать, – прошипел мне он, дергая за рукав и таща под койку для больных. – Сиди тихо.

Дважды мне повторять не пришлось, я тихонечко забилась, подобрав под себя платье, чтобы не выглядывало наружу. Теперь с моей точки обзора были видны только сапоги Кэрлайла, а еще ножки соседней кровати.

Дверь тем временем скрипнула, и в лекарскую зашла, казалось, целая толпа стражников в нечищеных сапогах.

Я пыталась сосчитать по количеству ног, сколько именно, но стоило начать, тут же сбивалась.

– Расступитесь, – раздалось откуда-то из коридора.

Ноги пришли в движение, расходясь по периметру комнаты и образуя тем самым живой коридор для…

– Его величество король Ричард! – объявил неизвестный мне голос, и в комнату вошли начищенные до блеска сапоги с золотыми пряжками и шпорами.

Я нервно сглотнула, а в горле пересохло.

Принц… сюда пришел принц, по вине которого я заточена в замке.

– Ваше величество, – послышался голос Кэрлайла с нотами сомнения, и я увидела, как доктор преклонил колено.

– Встаньте, – повелительно произнес принц… или уже не принц.

Ведь если его называют величеством, значит, он уже король?

– Мой отец умер, – голос Ричарда раздался, будто похоронный набат для одной кочевницы. – И мне нужен лекарь, который осмотрит тело, чтобы подтвердить смерть вследствие болезни, а не какого-то там проклятия. Толковый лекарь!

Последнее было произнесено с ощутимым нажимом.

– Ваше величество, – отозвался Кэрлайл, – но главных лекарей Бернарда, Вольда и Сиспенсии нет сейчас в замке. Еще утром они покинули его ради срочных дел.

– Я же сказал, – вновь зазвучал голос принца, в этот раз очень недовольно, – мне нужен не главный, а толковый. Вы же Кэрлайл?

– Да, ваше величество, – согласился лекарь.

– Тогда за мной, – распорядился принц, сапоги его сделали крутой оборот, и, кажется, Ричард приготовился уйти, но неожиданно затормозил.

А я нутром ощутила, что он смотрит на стол, где до сих пор сидел совенок.

– Это еще что? – прозвучал его заинтересованный голос.

– Птица, мой король, – отозвался Кэрлайл.

– Вижу, не слепой. Что она делает в лекарской? Насколько знаю, тут положено находиться только людям.

Я невольно вжала голову в плечи. Сейчас лекарь выдаст меня со всеми потрохами, ведь если соврет, то подставится сам и ему явно не поздоровится, если он решит меня прикрыть.

– Я подобрал птенца на пути в замок, кто-то поранил ему крыло, – совершенно невозмутимо ответил доктор. – Думаю, сову можно выходить.

– Хгм… – послышался задумчивый и невнятный звук из уст принца… – Что ж… значит, я в вас все же не ошибся, вы, похоже, в действительности толковый доктор. Собирайтесь, лекарь Кэрлайл, вернетесь к своей птице потом, сейчас вы нужны государству.

Ричард вышел из лекарской, за ним покинула ее и половина отряда охраны. Вторая же осталась ждать доктора. Сам Кэрлайл стоял у края стола, пока не произнес, обращаясь будто бы к совенку, а может быть, и ко мне:

– Сиди тихо, я скоро вернусь… Будет лучше, если я потом не стану ловить тебя по коридорам.

* * *

Шаги лекаря и охранников стихли в коридоре, а я облегченно выдохнула.

Сосчитала до ста и только потом выползла из-под кровати.

Совет доктора сидеть на месте был, конечно, замечательным, но имел несколько весомых «против».

Во-первых, я подозревала, что в лекарскую может войти кто угодно и обнаружить меня, во-вторых, скоро рассвет – а значит, ко мне, как и всегда, зайдет Хло, принесет завтрак, и будет очень нехорошо, если она не найдет меня на месте.

Пошарив взглядом по сторонам, я обнаружила висящий на стене плащ с капюшоном. Решив, что Кэрлайл обо всем догадается сам, стащила одежду, накинула на себя и забрала копошащегося совенка.

На всякий случай решила оставить лекарю записку, но с грамотой у меня как-то с детства не задалось, поэтому на лежащих на столе листах в силу своих художественных возможностей оставила корявый рисунок: схематично нарисовала птицу, лестницу и крышу. Вышло вполне доходчиво на мой взгляд.

После этого со спокойной душой покинула лекарскую и, крадучись, отправилась на свой чердак.

В замке стояла мертвая тишина. Сразу и не скажешь, что где-то там за десяток стен от меня лежал мертвый король…

Стоило только об этом подумать, и даже мое всегда спокойное сердце испуганно екнуло.

Что теперь со мной будет? Обвинят в его смерти? Сожгут на костре? Повесят?

Я потрясла головой, прогоняя дурные мысли.

Как бы я ни относилась к принцу, как бы его ни ненавидела за то, что он лишил меня свободы, но ведь зачем-то мужчина пришел за Кэрлайлом.

Я хорошо слышала, что Ричард попросил лекаря подтвердить, что король умер естественной смертью. А значит, у меня появилась надежда на благополучное разрешение ситуации.

Вдруг, став королем, Ричард меня отпустит. В конце концов, зачем теперь ему какая-то кочевая в замке, если у него будет целое королевство?

С этими мыслями я неслышно взбиралась по лестнице не оглядываясь и уже приближалась к заветной чердачной двери, когда услышала шорох изнутри.

Тут же остановилась.

Притихла.

Замерла.

В моей каморке кто-то был!

Нервно сглотнула.

Кому понадобилось пойти ночью сюда, на чердак?

Обеспокоенно заерзал в руках совенок, и я прикрыла ему голову рукой. Где-то слышала, что, когда глаза сов закрыты, они тут же успокаиваются.

Можно было бы дернуть дверь, войти внутрь и спросить у незваного гостя, что он тут забыл, но интуиция настойчиво требовала этого не делать.

Скрыться, уйти, спрятаться подальше.

А я привыкла доверять своему чутью, оно меня никогда еще не подводило.

Заозиравшись по сторонам, я увидела темную нишу, обычно заваленную хламом, и юркнула туда.

Несколько минут ничего не происходило, мне уже начало казаться, что шорох только почудился, но неожиданный писк летучих мышей буквально разрезал в ночной тиши мой слух. Это был жуткий звук, панический, ужасный…

Совенка в руках затрясло, да и я ощутила себя осиновым листом на ветру.

Дверь неожиданно распахнулась, и оттуда выплыла тень, точно так же, как и я, укрытая плащом, скрывающим лицо. Но по очертаниям фигуры было четко

понятно: таинственный гость – женщина, и в ее руках безжизненно болтались головами вниз бездыханные тушки летучих мышей…

Запах конской крови резко ударил мне в нос, и к горлу подкатил ком тошноты…

Фигура поспешила к лестнице, а я стояла ни жива ни мертва, так было страшно. В какой-то момент единственный факел, горящий в коридоре, ярко вспыхнул и с треском озарил фигуру незнакомки, в его свете я успела выхватить черный как смоль локон распущенных волос…

И меня заколотило еще больше.

Таисия – невеста принца… а теперь уже короля Ричарда.

Вне сомнения, это была она.

Фигура поплотнее запахнулась в плащ и сбежала вниз по лестнице.

Я же не сразу нашла силы выползти из своего укрытия.

Ни начальник стражи, ни сам принц меня не пугали так, как эта девушка.

После игл, найденных в обрывке моего платья, после конской крови, которой буквально разило от будущей королевы, я боялась ее и боялась зайти в собственную комнату.

Что я там найду?

Кое-как набравшись смелости, я толкнула дверь вперед.

Внутри было тихо.

Так тихо, что пугало. Так бывает на кладбищах.

Не было слышно мышей, и даже бушевавший ветер с дождем стихли.

Я осмотрелась по сторонам.

Ничто не выдавало тот факт, что тут недавно были непрошеные гости.

Я подошла к оставшимся летучим мышкам, свисающим с балок, при виде меня они испуганно шуганулись прочь, и я отпрянула на шаг назад.

Приблизившись к своему «ложу», осторожно поворошила ногой солому, но не решилась туда сесть. Кто знает, вдруг там опять иглы.

Нет уж… Теперь спать на этом месте я решительно не желала.

И даже просто находиться.

Казалось, все тут теперь было пропитано запахом конской крови, который, я уверена, если спросить у других, никто, кроме меня, не ощущает.

Магия.

Черное колдовство.

Теперь я в этом даже не сомневалась.

Добрые люди не убивают ночами мышей и не забирают их мертвые тельца с собой.

А значит, Таисия, невеста принца, – ведьма. Самая настоящая, уж я-то точно не сомневалась.

Вот только кому сказать – никто не поверит.

Ричард

Лекарь стоял над кроватью моего отца и задумчиво осматривал еще не успевшее остыть тело. Кроме нас двоих в комнате никого не было.

Осматривал он долго, я уже начинал терять терпение и сомневаться в квалификации молодого доктора.

Быть может, зря я утром так опрометчиво прогнал его более опытных, но таких зажравшихся коллег?

– Мой принц, – неожиданно произнес он и тут же исправился: – Прошу прощения, мой король, но я вынужден сообщить вам правду, которая, возможно, вам не понравится.

Я сжал пальцы в кулаки. Неужели я ошибся и еще один лекарь расскажет мне о «проклятье», наведенном кочевницей? Да она даже близко моего отца не видела.

Собственно, как и он ее.

Эмма… я вспомнил белокурые волосы и живые глаза на непокорном лице, ее полные алые губы. Если она и навела на кого-то проклятие, то, скорее, на меня.

Потому что я до сих пор не понимал, почему, вопреки здравому смыслу, не желаю прогнать ее из замка и вообще так пристально охраняю. Даже сейчас.

Что это, как не попытка помочь ей? Убедить всех, что она не виновата в смерти короля?

А это, на минуточку, мой отец.

И где мое сожаление по поводу его кончины? Я должен скорбеть, но вместо этого сердце впервые за долгое время ощущало себя спокойно. Будто бы все как и должно.

– Если ты скажешь, что король был проклят, то лучше заткнись и немедленно покинь покои. Я найду иного, более сговорчивого лекаря, – тихо, но не скрывая угрозы последствий, произнес я.

Ожидал увидеть на лице доктора испуг, подобострастие, желание мне угодить, но его лицо даже не дрогнуло.

Кэрлайл лишь покачал головой.

– Проклятие тут ни при чем, но и никакой естественной болезни у вашего отца не было, – уверенно заявил он. – Речь идет об отравлении.

– Что? – вырвалось у меня, и я сделал шаг вперед. – Вы в своем уме? Хотите заявить, что кто-то подсыпал отцу яд? Что его можно было спасти, дав противоядие?

– Боюсь, нет, ваше величество. От этой болезни нет лекарств. Но… подойдите сюда. – Он склонился над лицом мертвого короля, а после поднял его веки, чтобы я что-то там разглядел, а именно – оплывшие глаза и сеточку кровавых трещин на расширенных зрачках. – Подобную картину я наблюдал у крестьян, которые ели падшую конину или другой мертвый скот. Жаль, мне не удалось обследовать короля, пока он был жив, но я ведь не ошибусь, если скажу, что имел место паралич, затрудненность дыхания, боли, лихорадка, мутность зрения…

Словно по полочкам, лекарь раскладывал все симптомы, которые мучили отца в последние несколько дней.

– Да, – кивнул я. – Все это было.

– Ихтиизм, колбасная болезнь, – констатировал он. – Бывает у простого люда от испорченных продуктов. Как правило, от нее умирают целыми семьями. Ведь если падает больная лошадь, то съесть ее пытаются как можно скорее, делятся мясом со всей округой – это иногда выкашивает целые деревни.

– Если так, то почему вы решили, что это убийство? Это ведь могла быть случайность? – предположил я.

– Сомневаюсь. Еду короля проверяют, так же как и вашу, и всех приближенных к вам людей. Но вы – живы, а значит, дело не в ошибке повара, – уверенно ответил лекарь. – Так что я бы искал где-то среди вашего круга, мой король. Кому-то

очень выгодна смерть вашего отца.

Я мрачно смерил взглядом молодого и такого дерзкого доктора – не каждый бы осмелился сказать подобное мне в лицо. Ведь как божий день ясно, кому смерть короля выгоднее всего. Мне!

– Думаете, я убил отца? – задал четкий вопрос я.

– Уверен, что нет. Иначе бы вы меня сюда не позвали, а спихнули всю вину на проклятие кочевницы, о которой так много говорят в замке. Это было бы весьма удобно и даже объяснило, зачем именно вы так настойчиво удерживаете в замке девушку.

Я мрачно хмыкнул и отошел от кровати отца.

Приложил руки к вискам, которые так внезапно стали болеть, призадумался.

А ведь лекарь во всем был прав, в каждой мелочи. И если отца и вправду убили, подложив отравленную еду, то где-то среди приближенных есть коварный враг, который выгадал удобный момент.

– Я хочу, чтобы вы молчали о том, что это убийство, – наконец произнес я. – Никто кроме вас и меня не должен об этом знать. Я постараюсь найти виновного, не хочу его спугнуть.

– Понимаю, ваше величество, – согласился Кэрлайл. – Официальной причиной можно объявить инсульт. Лишь бы главные королевские лекари подтвердили этот диагноз для окружающих.

– Они больше ничего подтверждать не будут, – оборвал речь собеседника я. – Эти трое прихвостней не сумели определить болезнь, которую вы обнаружили за полчаса. Наблюдали несколько дней, как он умирал и мучился. А значит, им явно не хватает практики и квалификации.

– Но ваше величество… Без слов королевских лекарей мои речи ничего не будут значить.

– Это поправимо, – четко постановил я. – Теперь вы будете главным королевским лекарем! Считайте это официальным назначением на должность.

Глава 5

Эмма

В привычный час Хло ко мне не явилась.

Я догадалась, что причина в том, что новость о смерти короля уже наверняка переполошила замок, и теперь всем было не до кочевой.

Так я прождала час, два, желудок урчал от голода, но я равнодушно терпела.

Не впервой.

А вот совенок начинал беспокойно голосить и требовать еды. И если себя мне было не особо жаль, то его – очень даже. Мне нужно было добыть где-то мяса, и поэтому я решилась на повторную вылазку, несмотря на запрет.

Вновь воспользовавшись плащом Кэрлайла, я выскользнула с чердака.

Но далеко уйти не удалось, буквально через пару пролетов я нос к носу столкнулась с двумя поднимающимися навстречу стражниками.

От испуга я тут же отступила на шаг назад, но куда там.

Меня ухватили за локоть, чем тонко намекнули: поздно уже дергаться.

– Кочевая, – то ли спросил, то ли утвердил один из охранников. – Нас послали за тобой.

Сердце рухнуло в пятки.

Все! Линчевать будут. За смерть его величества.

Кровь тут же отлила от лица, и я буквально ощутила мертвенный холод, прошедшийся по телу.

– З-зачем послали? – едва сумела выдавить я.

– А нам почем знать. Тебя хочет видеть его высочество принц Ричард.

Я нервно сглотнула – прошлая встреча лицом к лицу не принесла мне ничего хорошего, а вчерашние прятки под кроватью я за встречу не считала.

Меня повели длинными коридорами к уже знакомым покоям принца. Подслушивая разговоры охраны, поняла, что не только я мысленно продолжала величать Ричарда прежним титулом, стражники вот тоже явно не свыклись с его новым статусом короля, по привычке продолжая называть принцем между собой.

У дверей королевских покоев стоял еще один отряд, который при виде меня и моих сопровождающих расступился в стороны, пропуская внутрь, и даже двери открыли.

– Проходи, кочевая, – буркнул один из стражей, подталкивая меня в спину, а сам оставаясь за пределами комнаты.

Стараясь унять дрожь, я глубоко вдохнула и сжала кулаки. Если бы меня хотели казнить, то отволокли бы в казематы, а не на аудиенцию к моему пленителю.

Я сделала несколько шагов вперед, и двери за моей спиной закрылись.

Внутри покоев царил полумрак, солнечный свет почти не пробивался сквозь плотно задернутые шторы, и в какой-то миг мне показалось, что в комнате я одна.

– Я долго думал насчет твоей судьбы, кочевая, – неожиданный голос раздался со стороны и заставил меня вздрогнуть.

Принц будто бы прятался в темноте от меня, и пришлось сощуриться, чтобы различить фигуру, стоящую в дальнем углу.

– И что надумали, ваше высочество? – спросила я.

Фигура сделала шаг вперед.

Теперь лицо принца было различимо чуть лучше. Озадаченное, мрачное, бледное. Ричард выглядел все таким же «ожившим трупом», как и в момент нашего знакомства. Взгляд его ледяных глаз скользнул по мне и застыл на лице.

– О том, что манеры кочевым прививать бесполезно, – обронил принц. Только сейчас я обратила внимание, что в руках мужчина сжимал тонкий обруч короны, перебирал по ней пальцами, и все это с явным сомнением.

Мы, кочевые, тонко видим такие моменты.

Ричард с короной в руках был похож на ярмарочного крестьянского ребенка, которому неожиданно перепал кулек конфет. Мальчишка точно так же мнет в ладонях сахарные леденцы, пока те не растекутся сиропом по коже, будто не верит, что это ему. Что можно взять и съесть.

– Если вас беспокоят мои манеры, то эта проблема легко решается, – вновь заговорила я. – Нужно просто меня отпустить из замка.

– И над этим я тоже думал, – отозвался принц. – Но ради твоей же безопасности… нет.

Внутри меня все всколыхнулось. Даже страх сгинул от той волны гнева, которая вспыхнула в груди.

Он что, издевается надо мной? Кто он вообще такой, чтобы думать о моей безопасности? Это в замке мне лучше? Где кухарка с ножом кидается?

– А зачем тогда позвали? Поглумиться? Или решили, что я должна вам станцевать, раз вы теперь стали королем? Очень мерзкая идея, особенно если учесть, что ваш отец умер этой ночью.

Мертвенно-голубые глаза сверкнули, в один миг принц преодолел те метры, что разделяли нас, холодные руки сомкнулись на моей шее.

– Откуда знаешь, что король мертв? – прошипел он.

Я захрипела, попыталась набрать в легкие воздух, но не сумела.

Задергалась, попыталась ударить мужчину в грудь, дернулась руками, и только тогда хватка чуть ослабла.

– Так весь замок об этом говорит, – просипела я, понимая, что по глупости прокололась.

– Врешь! – принц, кажется, был готов разорвать меня прямо здесь и сейчас. – В глаза смотри! О его смерти знает с десяток человек в замке. Так откуда?!

– Отпустите, – только и смогла выдавить я, бегая по комнате взглядом. Смотреть в глаза принцу так и не получалось. – Я просто… догадалась…

Пальцы принца разжались, и я обмякшей куклой упала на пол перед мужчиной.

В глазах темнело, но зрение потихоньку фокусировалось на короне, которая так же, как я, валялась на полу. Похоже, принц обронил ее в попытке меня придушить.

– Все дело в короне, – соврала я, радуясь, что нашла лазейку. – Вы держали ее в руках. Это ведь короля, вряд ли он дал вам ее поносить просто так.

– Лгунья, – выплюнул Ричард и присел рядом, поднимая обруч, но не спеша выпрямляться в полный рост. Он вновь смотрел мне в глаза, а после спустился взглядом ниже и еще ниже, пока не уперся в грудь. – Я же говорил, что ненавижу, когда мне врут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soul_diana/serdce-na-dvoih

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить